

K1239961

Б. А. С. Я.

и

Ж.

Галина Шекина

Галина Щекина

БАСЯ
И
КОМПАНИЯ
ИЛИ
ДЕСЯТЬ НЕСКАЗОК ПРО
ДЕВОЧКУ

Вологда

«Свеча»

1995

РАВАЛАДУЛУСЕ

Солнечным утром в квартире с высокими потолками слышался сильный бряк! Откуда он шел, сразу понять было нельзя. Из спальни родителей? Там никого. Только на окнах качался как снеговой. На трельяже светились флакончики, на темной этажерке — безрукая Афродита. Мама сказала, что руки отвалились не у живой, у каменной фигуры, но все равно Афродите было жалко.

В большой зале зевали ротиками игластые алые рыбки, они висели в аквариуме как елочные игрушки. Народу тоже никого. Пошли дальше. Холодно, теплей, тепло. Еще теплей? Теперь горячо. Ближе к кухне все понятно. Здесь уже прошел снегопад и на полу сугробы от рассыпанной муки. Одуванчиками расцвели разбитые яйца.

Двое серьезных детей как раз наклонили большой бидон, чтобы налить в миску мед. Широкая чайно-золотая полоса, ослепительно сверкая, поплыла через край. В черных глазах детей полный восторг, для них настал праздник. Потому что свобода, делай, что хочешь.

— Что ж ты, Бася, край качнула? — закипятился старший. — Да еще пальцы облизываешь! Нашла время, вон сколько пролили.

— Никак отлипнуть не могу, — понурилась Бася. — А ты тоже качнул, спорим, у тебя больше пролилось...

— Ну ничего. Зато будет сладко до потери сознания. Насладимся!

Старший бухнул на огонь большую зеленую кастрюлю, велел шарики из теста валять. Но пока с шариками возились, кастрюля стала чадить.

— Антош, у мамы такого не было...

— Какого такого? Кха.

— Ну с дымом...

— А что я сделаю? Ма шарики прямо в меду и варила.

Может, водички подлить?..

Тут опять пш — ш! Кха! Кха!

— Вот видишь, сам дышать не можешь. Я боюсь.

— Да ты девчонка, трусиха, что с тебя взять. Ты любишь **сла**денькое лопать. А я сказал сделаю — так сделаю.

Он бросил шарик в мед и задумался.

— Долго с ними прокопаемся. Давай большое слепим, **в** духовку сложим и хана. Ты, например, косу можешь **сплести?**

— Да я только наизнанку, как у рыжей куклы.

— Можно наизнанку, — разрешил Антоша.

Бася подпрыгнула весело, так что плетеный ободок свалился с волос, и она кое-как пристроила его обратно. И **о**пять мукой на волосы.

— Здорово мы тут...А вдруг до мамы не успеем?

— Успеем и сделать, и слопать.

Они скатали из теста неровные веревки и Бася стала плести. Как вдруг эта «коса наизнанку» свесилась и поползла со стола.

— Держи, а то уползет! — Закричала Бася. — «Растим косу до пояса, не выроним ни волоса...»

— Какая она коса, раз живая? Змея. Давай про змею... — Антошка загремел железным подносом в духовке.

— «Ах это я, ах это я, пришла очковая змея...»

Они шлепнули желтое тесто на черный противень и защелкнули дверцу. Все, можно упасть на табуретку и перевести дух...Оглядеться...

— Ничего себе, — подняв мучные брови, сказал Антоша. — Побоище. Сходи за веником.

— А ты сам — то? — Басе стало обидно.

— А мне некогда, буду следить, чтоб не сгорело.

— Хитренький. Себе полегче, мне потруднее.

— А ты не мелочись. Будь выше этого.

Бася была ростом маленькая, но как быть выше здорового Антоши — знала. Поэтому тяжело вздохнула и потащила в кладовку бидон. И веник принесла, и тряпку, и начала все сметать в кучу.

— Бась, тебе воды принести?

Бася гордо молчала. Антоша фыркнул.

— Вроде уже пахнет жареным, а?

Бася мела и молчала. Он достал противень, обжигаясь и строясь, потыкал спичкой. Тесто к спичке прилипло. Эх, рано еще... Он захлопнул духовку, а во дворе захлопали дверцы машины.

— Приехали! Ну, атас, сейчас будет. А бежать некуда.

Бася ползала на коленках, домывая пол.

— Бась. Давай выкинем?

— Ты что! В ведре — то сразу увидят. А мы сколько меда, яиц потратили...

— Плевать! Или спрячем... — Антоша схватил тряпку, противень и кинулся вон.

— Да куда ты? Не выбрасывай, ни за что! Под стол хотя бы...

Тут вошла усталая мама и разогнулась от тяжелых сумок. Она все увидела. Сразу.

— Зачем брали мед? Я прятать от вас должна?

— Да мы хотели сделать твои пампушки с медом... Чтобы ты обрадовалась... Я даже пол мыть начала...

— Спасибо, конечно. — Мать посмотрела на Басю очень пристально. — А про посуду не подумала?

— Да я просто не успела...

— А где Антон? Наверняка он затеял и смылся. Как всегда.

Ма начала разбирать посудный завал и греть воду. Бася стояла столбом, не смея удрать как Антоша.

— Когда я была маленькая, на мне был весь дом, — бросала мать отрывисто. — Родители работали дотемна, я варила борщ, лушила кукурузу, рвала траву кроликам, мыла двор, а уж уроки само собой.

— Как «мыла двор»? Землю? — Не поняла Бася.

— Двор, мощный красным кирпичом. Его мыли ве-
ником и ходили босые.

Бася в страхе представила себе худенькую девочку с черной косой, которая работала как в сказке на злую волшебницу. Бася поняла свою вину и собралась удрать в слезы.

— Если бы я такое сделала... — Начала ма и сама себя оборвала. — Иди с глаз!

Бася выскочила из кухни, а мать остановилась с тряпкой в неотмытой зеленой кастрюле и засмотрелась в

беленую стенку. Она там увидела свое далекое жаркое детство. Как кто — то шел на водокачку и в парк, а она полола огород. Как кому — то наглаживали платье и ленты, кого — то ждали у ворот, а ее ждали только окрики и пьяный отец. И как она делала ночами уроки, а он гасил керосинку... Но вот вышла же в люди, не хуже многих. Значит, и спасибо им за суровость. А что взять с этих? Нахлебники, вруны, неумехи. Их жалеешь, а они...

Поздно ночью, когда по детской заплывали пятна от уличного фонаря, первой встала в тиши партизанка Бася. »Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше...»

— Антош, вставай. Надо косу съесть.

— А — у — эх! — Зевнул сонно Антон. — Ешь сама.

— Нет уж, нетушки. Вместе!

— Выбросить лучше.

— Ничего не лучше. Сам знаешь, что за это будет.

Они, бедные, вытащили противень с косой — медленно, не так, как из духовки. Отломали по кусочку, по второму. Сверху была корка запеченая до хруста, а под ней тягучка сладкая, даже горло защипало. Да, не пропеклось...

— Больно сладко. — Вдохнула Бася.

— Да, с водичкой бы. На еще.

— Не — а. Никак. Все слиплось.

Через две ночи терпенье кончилось, а косы все еще оставалось много. Приходилось вдобавок перепрятывать противень от ма... Вся комната пропахла медом — и стол, и шкаф, и кофты в шкафу. Басе приснился сон: в темном лесу пряничный дом с шоколадной крышей. Только хотела Бася отломить кусок, как из окошка выползла жареная коса и зашипела в масле по — змеиному. Бася подскочила на кровати, схватилась за голову.

— Антош, вставай.

— Да надоело, уйди.

— Не уйду. Быстро ты насладился. А говорил...

— У меня от нее живот болит.

— А у меня, думаешь, нет?

— Ну и плюнь. — Антоша отвернулся к стене. — Тебя никто не заставляет.

— Тогда пойдем и скажемся, — тормошила Бася.

— Охота тебе нарываться.

— Хитренький. Сам затеял, а я расхлебывай. А как же ты на войне — то?

— Не сходи с ума. Войну с плюшкой сравнила.

— Раз тут боишься, значит, и на войне забоишься.

И Бася с вытаращенными глазами опять начала жевать эту косу. Ей казалось — она ее туда, а она оттуда. И от чего ей стало хуже — от косы или от Антоши?

В этот жуткий момент в детской загорелся свет. Его включила вбежавшая в ночной рубахе мать. Она увидела сына, который лежал отвернувшись и уронив одеяло. Она увидела дочь, которая сидела на корточках и жевала какую-то веревку, причем со слезами на глазах.

— Что это за гадость? — Закричала мать, шатаясь и держа себя обоими руками.

— Это не гадость, а сладость... Мы пекли, не допекли. Но больше мы не можем. — Угрюмо проговорил партизан Антоша.

— Мы испортили много меда, но не съели. Живот болит... Теперь ругай... — Добавила Бася.

— Да кто... Кто вас заставлял это есть, я спрашиваю? — Ма чуть не упала.

— Никто. А то бы нас пороли. Мы думали — съедим, никто не узнает...

Мать широко открыла глаза и наверно, ей показалось, что все как в детстве — пьяный отец и летят табуретки.

— Вы уже сами себя выпороли, ребята... Нет ничего хуже страха... Хуже ожидания страха. Неужели я такая для вас страшная? Вы ж могли умереть от заворота кишок, вы понимаете? И я бы ничего не знала! — она закрыла лицо руками.

— Мама, отомри... — Испугалась Бася.

Та резко подняла голову.

— Сейчас же марш на кухню. Руки мыть, молоко горячее пить... И чтоб ни случилось — все говорить по-человечески, слышали? А не так...

Тут она обхватила руками их головы и опять замерла. И они так стояли, дышали. Надышаться не могли.

КОРОЛЬ

...В глазки забили гвозди. Как больно, головы не под — нять. Кто это сделал, зачем? Где мама, бабушка, Антоша?.. Антоша!

Никто не шел. Потом послышалась возня и откуда — то издалека пришаркала добрая фея в шлепанцах, потрогала Басе лоб. Фея пахла зеленкой и хлоркой, а ладонь у нее была колючая как наждачная шкурка.

— Ты кто, фея? — — дрогнув, прошептала Бася.

— Я фея тетя Мотя, у меня ночное дежурство. А ты пошто кричишь на все отделение? Всех перебудишь.

— Больно... Хочу плакать, не могу. Повязка мешает.

— Ну, это не горе... Ты меня обойми вот так за шейку, я тебя и покачаю.

Бася слепо обняла фею Мотю и застонала.

— Может, я умру?

— Уж какое умрешь. Выздоровеешь, вылюднееешь, быстрее прежнего побежишь. Все страшное вытерпела, а это уж чего? Оно и больно, раз наркоз ушел.

— Куда ушел?

— А во — он туда, в окошко.

Сбоку стукнуло, брякнуло, подул сладкий ветер. И погладил по щеке страдальщицу и жалельщицу.

— А ты, фея Мотя, старенькая. Как моя бабушка. И морщинки есть.

— Ну а как же. Была молоденькая, как ты, теперь состарилась.

— А угадай, какой мне бабушка киселик всегда варит.

— Какой? Поди, вишневый.

— И не узнала. Молочный, с изюмом.

— Вот те раз, сколь живу, такого и не варивала. Она к тебе приедет и мы попросим ее обратно такой сварить. Будет тебе радости. А сейчас утихни, не мечись. Я вот песню вспомню: »Пою, пою дорогу дальнюю, непобедимую любовь навеки...»

И Бася, неровно и трудно дыша, засыпала от неподвижной любви, а большие больничные тапочки сваливались с ее ног. Так понемногу боль отходила, а Бася приучалась жить наощупь. Ходить, не стучаясь, а только рукой по стене, помнить, что напротив стола феи Моти перевязочная, а через батарею и фикус за углом туалет, узнавать на запах, что привезли обедать — рыбу либо котлеты.

В общем, поблизости Бася уже все выучила. Ей захотелось узнать, что там дальше, где начинается лестница на другой этаж и все такое. Но это было нельзя.

Однажды любопытство пересилило. Время после ужина было тихое, следить особо некому. Удивительно — на верхнем этаже было все точно так же : батарея, стол сестры, фикус, ... Напротив — палаты. Неподалеку позвали:

— Эй, девочки! Таня, Лена, кто есть!

Бася остановилась в проеме полуоткрытой двери:

— Вам сестричку позвать?

— Так конечно, сестру, мы все тут лежачие...

Бася — ладошкой по стене — быстро сходила к столу и никого там не нашла.

— Никого нет, — несмело сообщила она, — ушли. Может, чай пить...

— А ты кто есть, пташечка? — спросил густой добрый голос.

— Бася...

— Так вот, Бася, хорошая девочка, возле кровати стоишь, перед тобой тумбочка. Ты возьми намочи марлю в чашке... Да, в этой... И помочи больному рот. Пить он хочет, а ему еще нельзя после операции. Ай, какая ты ловкая!

— Да я уже привыкла так.

— Что значит привыкла? У тебя с глазками — то чего сделалось? Да ты сядь, не тушуйся. Побудь с нами.

— У нас ребята в городки играли, вышибли рюху мне

прямо в глаз, — бодро начала Бася, — Семка Грушин битую кидал, он и увидел первый, что у меня лицо — то кровью залилось. Тут все закричали, а я домой побежала. Там замок! И я так долго ждала на порожке, что темно стало.

— Что ж никого не звала?

— А не было никого... Потрогали за плечо... Я обрадовалась, глядь — а это морда рогатая. Ничего больше не помню. Когда родители с фермы приехали, они подумали на корову: я лежу как мертвая, корова стоит, мычит. А это Семка Грушин... Его потом родители пороли до заикания, но глаз уж все равно ослеп. Бабушка стала меня по врачам водить и я школу пропустила, первый класс. А мне папа такой портфель купил! Крокодиловый.

Замолкли.

— А ты все равно не горюй, пташечка. Надоест еще портфель двойки носить.

— А вы с чем лежите, дядя?

— Да на машине я перевернулся. Брюхо подлечу, потом еще за машину платить... А вон у стенки, кого поила — то Король с пробитой головой.

Бася как — то сразу озябла.

— Кто ему пробил — то, враги?

— Не спрашивай! — великанский голос захохотал. — Жена на него топор уронила.

— Какая жена? — Бася сжала ручки у горла. — Королева?

— Ну ты... — Вдруг такой резкий голос Короля. — Кто просил при ребенке?

— Да ладно тебе. Видишь, она все понимает.

— Я понимаю, — пробормотала девочка. — Я пойду?

— Ну иди, конечно. Не заблудишься?

— Не — а.

Ночью Басе приснился сон. Она видела короля в красном плаще и с короной. Он скакал на коне и побеждал всех врагов. А потом гордо шел по дворцу и на него из — за портьера кидалась женщина с топором и в щелках. На вид королева, а так ведьма. Король падал как подкошенный — ный, Бася поливала его живой водой, и тогда ведьма бросала топор в нее...

Потом расстроенным сердечком она услышала во тьме чей — то плач. Потом поняла, что это сосед по палате Васька. Подошла к нему и стала гладить его рукой по

прыгающей спине.

— Я тебя жалею, — проговорила она, — ну чего ты?

— Уйди, безглазая, — провыл в подушку Васька.

Бася вздохнула и побрела звать дежурную сестру.

— Ох! — молвила дежурная фея Мотя. — Вот горемыка — то у нас. Выписывать давно пора, а мать глаза не кажет. Цыгане, они и есть цыгане, лишь бы с рук спихнуть дитенка.

— А куда его теперь, фей Моть?

— Так в детдом придется сдавать.

— А там плохо? Может, лучше, чем с цыганами?

— Да уж лучше тебе не знать, жалельщица. Иди за ради бога, всех не нажалеешься... Счас приду к нему...

Каждый день Бася видела Короля во сне, а днем его увидеть не могла, какой он настоящий — то. Просто она прибежала наверх, чтоб услышать его, поддержать в ладошках его тяжелую руку. Рука была горячая от температуры, Короля лихорадило, от операции отходил долго. Да он и на операции все слышал и помнил, как хрустели кости в голове.

— Тебе голову больно? — Она трогала толстый слой бинтов.

— Больно мне вот... — И он перекладывал ее ладошку на грудь, где под больничной пижамой обиженно бухало громадное королевское сердце.

— Ой ты какой! — Пугалась Бася и отнимала ручку. — Тебе надо сонную таблетку дать, чтобы ты успокоился и спал, долго спал...

— Не бойсь, Басена, уж чего — чего, а заснуть мы всегда успеем. Лучше ты возьми вон в тумбочке, поешь.

— Что это? Ой, виноград.

— Называется «дамские пальчики». Ела?

— Не — а. А это чего так пахнет?

— Жаркое. Давай ломи. Не стесняйся.

— Ой ты... Но это ж тебе принесли, Король.

— А я все равно не буду.

— Почему?

— Обижаюсь.

— О. И ты никогда — преникогда ее не простишь?

— Посмотрим. Уже и наелась? Давай еще.

— Да я хотела... — И замолчала.

— А чего? Говори, я же Король.

— Хотела немножко отнести Ваське... А то к нему никто не приходит, он плачет.

— Ну и отнеси, а лучше Ваську приведи. Пойдет?

— Ой не пойдет. Ему страшно, что его мать бросила. Как будто он хуже всех, я понимаю.

— Вот стер... — Голос Короля опять стал чужой, рез — кий. — А ты откуда знаешь?

— Фея Мотя рассказала.

В своей палате Бася сразу положила на Васькину тумбочку виноград. И твердо сказала:

— Вот это тебе сам Король велел съесть. Но ты потом съешь, а сейчас пошли — ка..

— А ты не командуй тут, безглазая. — Мальчик был в нерешительности.

— Говорю, идем. У Короля пробитая голова, даже утку подать некому, а ты расселся. Я же девчонка. И то хожу на тот этаж. Они над нами как раз.

И Васька пошел. Он был очень одинокий человек и ему хотелось с кем — то дружить, но не мог же он прямо так и сказать!

— У — у! — Загудела верхняя лежачая палата. — Кто к нам пришел!

А Король так сразу и начал:

— Василий совсем орел. Куда полетим?

— Куда хотим! — Отрезал Васька. — Я вольный цыган.

— Значит, Басене в школу, нам с Петро на работу, а тебе никуда не надо? Вот это я понимаю. Здорово.

— А зачем тебе работать? — Васька продолжал зади — раться. — Ты ж король, так не должен работать.

— Да я король не на троне, а на кране, и звать меня Стас Королев. Понял, цыганский барон? Учиться не хочешь?

— Жизнь научит, — дернул носом Васька.

— Ну и кактус, — не выдержала Басена. — Вы посидите тут без меня, мне пора на перевязку...

А повязка у Баши не просто заменялась, она становилась все тоньше и тоньше. Теперь через нее уж можно было различить тени, только лиц не разобрать. Не видать и стекол в окнах — ей казалось, что деревья кланяются и шумят прямо тут, в палате.

Пришла пора снимать последние слои марли. Девчонка совсем разволновалась, ведь она забыла, как выглядит белый свет.

...Все потолки понеслись от нее вверх! Стены быстро ехали в разные стороны и скоро она осталась посреди большого зала совсем малюсенькая. И вокруг все было белое, бархатное, как будто всю больницу сделали из зефира и пастилы... Голова пошла кругом. Все переливалось от слез. Но рядом улыбались врач и сестра: «Молодец, Бася, иди, не бойся.»

А тут заглянула совсем незнакомая сестричка:

— Бубецова, второе отделение. Марш вниз, бабушка приехала.

И она крепко взяла Басю за руку и повела.

— Бабушка, а я уже вижу белый свет! — Закричала издали Бася. — И он из пастилы!

— Ты ж мой зайчик. — Бабушка целовала внуку в халатик. — А оцэ бачишь? А оцэ шо?

— Бабушка, зайчик, все бачу. Это киселик молочный в банке. А вон у тебя кофта наизнанку, тоже бачу... Ой ты бабушка, молодец... А слушай, давай возьмем Ваську к себе жить? А то мать его уехала...

— Та вона ще прийдэ. И будэ шукать його.

— Бабушка — а! Тогда давай возьмем Короля. Он зна — ешь какой добрый? Все меня мясом кормит.

— На шо ж короля? — Бабушка смеялась. — Мы просты людэ... Ну одивайсь. Пидэмо.

— Куда? Разве они отпустят? Мне же только повязку сняли.

— Хай рано, та ихать далэко. Кажуть — хай уже...

— А...А Король? Я его даже не увижу?

— Ото ж якэ малэ да сэрдытэ. Ну прощайсь швыдко... — Бабушка сдвинула с головы два платка, осталась в выцветшей косынке в горох. Села ждать.

...А Бася тихо опустилась на кровать рядом с Королем и взяла его за руку. Рука была тяжелая и идти было тяжело, глаза мешали, не узнавали. Так вот он какой. Весь черный, страшный, в бороде. Он криво улыбался ей.

— Уже улетаешь? — Догадался он. — Ну поздравляю от души. Давай, маши крылышками. И не плачь, глазкам вредно... Все же хорошо?

— А ты... Ты смотри все теперь ешь. Сам. А то не выздоровеешь. А с королевой будешь мириться?

— А как у тебя папка с мамкой — мирятся или нет?

— Да они так: то ругаются, то целуются.

A.C.

— Вот это я понимаю. Ты выбрось из головы, недетские все дела — то. А ты лучше скажи, адрес свой помнишь? Ну — где живешь?

— Я знаю далекий адрес. Где мама с папой. А где бабушка — нет. Только знаю, что мы от нее на поезде ехали из Авдеевки... А то бы что?

— А то бы я тебе письмо написал, ясно, птаха? Ну беги.

Бася оглянулась. Глазищи королевы горели углями, а ноги были до того длинные, что не умещались в кровать и торчали из спинки: один носок полосатый, другой синий.

— Ну ты здоров, — грустно улыбнулась Бася. — В кровать не влезаешь...

Пока?

Она прощалась со всем белым светом, а бабушка в это время уже получила кучу бумажек со скрепкой и ждала с узелком. Потом они пошли по дорожке от старинного красного дома, в котором Бася прожила месяц и целую жизнь. Шел теплый дождик, невидный, неслышный, но когда капли собирались в чашечке листа, они чертой просверкивали вниз.

— Бабушка! Почему все такое яркое, новое, красивое? Как будто счастье, а я плачу, бабушка...А?

— Чому, чому. Тому, шо главнэ щастя будэ потом.

И она не ошиблась.

Через несколько дней, когда уж Басю собирали ехать от бабушки домой, у ворот бабушкиного дома постучался высокий человек с забинтованной головой. За плечами у него был рюкзак, за руку он держал легко одетого цыга — ненка. Человек попросился на квартиру: »Я хоть и король но пока без дворца.»

МОЛОДОЕ ДЕЛО УЛЫБЫ

Шоколадные складчатые платья, оборки фартуков и банты трепал горячий ветер. До лета казалось еще далеко, а солнце уже расплавилось как сироп в варенье. На линейке грянул оркестр и у детских щек заплескались алые язычки огня. Кусочки костра. От них жарко и весело. От них хочется быть честной смелой — да! И помогать друзьям — да! И любить свою великую родину. Еще бы не любить, ведь родина это Москва и Кремль, это красиво, Бася видела. А вот интересно, Басино захолустье, где она живет — это тоже родина? Это любить неохота. Ладно бы Авдеевка бабушкина, там водокачка, абрикосы... Бася озабоченно подтянула белые гольфы. Какие глупости лезут в голову в такой хороший момент.

— Ученица третьего «а» Бубенцова Василиса, три шага вперед... Салют!

После линейки стали назначать по парам в караул у памятника павшим воинам. Дело серьезное. Все волновались. В класс пришли вожатые и завуч. Они советовались с Басиной учительницей Анной Дмитриевной, и та называла лучших учеников. Первой назвала Басю: в дневнике только четыре и пять. Но завуч нахмурилась:

— Куда такую косую. Еще чего.

Все замерли, ни оха, ни скрипа. Вдруг Бася вскочила с места и в дверям. Даже руку не поднимала, не отпрашивалась, такая тихая и на тебе. Побежала, чуть парту с петель не свернула, даже портфель забыла, он остался в парте лежать. И списки на караул составили без

нее.

А она в это время лежала дома на кровати одетая, разлохмаченная и не по-детски рыдала. Побледневшая мать коротко спросила:

— Что — нибудь страшное?

Потому что она никогда ребенка такого не видела. Но Бася только крикнула:

— В школу больше не пойду, так и знай. И не говори мне ничего. Сама учительница!

Мать наморщила лоб, растерялась со своей железной волей. Да, она работала учительницей именно в той школе, где училась Бася, старалась быть строгой, не слушать дочкины капризы. Все же неудобно заступаться за свою. Но это с одной стороны. А с другой — она знала свою дочь, и что-что, а придуряться та не умела. Вот это «сама учительница» ее просто сразило. Мать пошла переодевать халат на кофейное марикеновое...

Пока шли разборы, горел сыр — бор в учительской, Бася прекратила рев и пошла разбивать очки. Они были дорогие, большие колеса в перламутровой немецкой оправе, одно стекло заклеено бумажкой. Кирпичом его, кирпичом. Никаких шансов, в кашу смолотила. Зря ведь терпела, мучилась, носила очки, все равно она к о с а я, это хуже смерти. Пусть в карауле стоят только те, у кого глаза одинаковые, пусть Щербатых с Анисимовой стоят, а она, Бася, в школу больше не пойдет, а лучше будет по помойкам гулять с местным дурачком Леней. И очень прекрасно, можете из школы вообще исключать, еще лучше — уроки делать не надо.

Так думала Бася, нанизывала невесть чего, слоняясь по комнатам туда и сюда, но потом от тоски решила сходить за молоком. Она была приучена выполнять то, что на нее возложили. Поискала банку, крышку и сетку, захлопнула дверь. Пошла потихоньку по глухой в лопухах улочке. Глазам без очков было ново и холодно. Голова как — то кружилась и все было в тумане.

В самом конце улочки стоял за высоким забором старинный каменный подвал с окованной железом двустворчатой дверью. Зимой с подвала катались на санках, летом брали в игру вместо замка. Бася с Надюшкой и Ларкой хоронились там от грозы. В холодную глубокую полутьму вели широкие бетонные ступени. На середине

лестнице обычно стояла Басина посуда с молоком. Бася ее забирала, а на ее место ставила пустую, и так каждый раз. Тут же громоздились кастрюли и бочонки с соленьями. Удивительно — любой чужак мог зайти с улицы и все вкусное заgrabать, только никто не приходил и не грабал. Тут жили все свои. Наоборот, женщины набирали в тарелку соленья, шли к соседкам и говорили — мол, попробуйте, каковы грузди у нас насолились...

Один раз Бася совсем не сдержалась, взяла высунувшийся из — под крышки грибок — и в рот его, жмурясь от страха и вкусноты. И только потом испугалась, что подвал — то могут после этого закрыть.

И ведь правильно боялась, закрыли. Клацнув несколько раз железным кольцом по двери, Бася покраснела ужасно. И только потом смущенно вспомнила, что молоко ей теперь брать совсем у другой хозяйки, на далекой улице. Вот что называется — с горя да без памяти! Облегченно вздохнув, зашагала дальше.

Та далекая улица находилась за школой, а рядом со школой жила ее подруга Ларка — проныра, по — настоящему Дыханова Лара. Она как обычно сидела на высоком крылечке в цветастом новом халате и новом же пионерском галстуке. На затылке хвостик белых волос, бант больше головы, половина красный, половина черный.

— Пойдем со мной сходим, Лар, — уныло попросила Бася, — а то я еще не знаю, где новая хозяйка с молоком живет. Одна боюсь.

— Пойдем! — Легко согласилась Ларка. — В два счета найдем, а на обратной дороге я тебе портфель твой отдам, ага?

И они пошли мимо кривых заборов из серого штакетника, мимо жомных куч и трепанных кустов сирени. На теплых лавочках пацаны кидались в ножички, а девчонки вязали друг другу банты. Они между собой перетыкались, то и дело заливаясь смехом. «Вот дураки, — с лютой завистью посмотрела на них Бася, — и дурочки...»

— Далеко еще до Иванниковых?

— А в самый конец идите, где желтые столбики, рядом с Котовыми...

— А! — Акнула тут Бася и стала как вкопанная.

— А что? — Удивилась Ларка. — Чего ты?

— Наверно, это те самые Котовы... Ванька Котов — сын

капитана Гранта, — горестно сказала Бася.

— Ты его разве знаешь? Ведь он в старших классах.

— Ну как же, он у слепого Бондаренко по классу баяна и я на отчетном концерте его объявляла. Когда он Дунаевского шпарил, его лицо было как Роберта Гранта, все смеялось, даже глаза... Вдруг он дома?

— Да не помнит он! — Горячо убеждала Ларка. — Ты ж на концерте была в очках, тут без очков, ничего нет похожего. Да его и дома нет...

— Нет! — Почему — то уперлась Бася. — Видишь, какая я страшная, косая, меня все доводят, даже завуч. Боюсь. Не дай бог куртку вишневую увижу! Сразу умру и все.

— Да уж так и умирать? А за молоком кто пойдет? — Вспылила в ответ Ларка. — Куда идешь — то, смотри хоть.

Бася панически оглянулась и как на грех у поворота мелькнуло вишневое. Она отшатнулась, с перепугу ступила в сторону от дорожки и вздрогнула от холодной грязной жижи.

— Что наделала! — Заахала Ларка. — В такую сушь грязь нашла. Яма, смотреть надо.

А роскошный взрослый Ванька Котов стоял рядом, улыбаясь угольными глазами и смуглым робертовым лицом.

— Что, детсад, тонем? Ну дела... — Он легко поднял Басю из болотца и поставил на сухое.

И девочка медленно вздела вверх испуганную в слезах рожицу и обозрела спасителя. Но вместо радости она ощутила все свое уродство рядом с этим солнцем. Хоть бы матроску одела, а то старое «комбинированное» платье... И заплакала совсем уж безутешно.

Солнце развело руками и стукнув калиткой, ушло в дом. Через минуту на пороге показалась Ванькина сестра Зойка Котова, такая же смуглая, красивая, черные волосы кольцами, тонкие ручки, длинный синий сарафан.

— Ты что плачешь, упала? Ой, а ножки... Ну — ка, идем.

Она поставила перед Басей тазик с водой и исчезла. А побыв в доме по своим делам, вернулась и увидела, что эта замазуря по — прежнему стоит перед тазиком и всхлипывает.

— Девочка, — обернулась она к Ларке, — что у тебя подружка такая рева?

— У нее горе потому что, — осторожно отозвалась Ларка, — ее никто не любит.

— О, — сказала уважительно Зойка, — ничего себе проблема.

Нагнувшись, она быстро разула Басю, вымыла ей ноги в тазике, там же сполоснула сандалии и тут же обула снова.

— Ты ведь нашей училки дочка, Раисы Климовны? Так... И тебя отправили за молоком — помнишь, к кому? Так, подожди...

И сама сбегала к Иванниковым за молоком! Царственно присела перед Басей на одно колено и вытерла нос платочком.

— И как же тебя, плакса, зовут?

— Бася, Басена, Васена, Василиса.

— Имя у тебя бесподобное, старинное. И сама девочка хорошая. Так что я скажу тебе тайну... Меня тоже никто не любит.

— Не может быть! — Не поверила Бася. — Вы слишком красивая. Как она...

— Как кто? Как Иван? Ну да, ну да... А жених мой так не думает. Мы тут с ним ходили — ходили, влюблялись — миловались, а он взял и уехал. На озеро Байкал — в такую далищу. Видите ли, озеро умирает. А то, что я осталась одна и умираю — это ничего... Вот тебе и красивая... А ты говоришь...

Завороженная Бася смотрела на Зойку Котову в бессильном восхищении. Оглянувшись на Ларку — то же самое.

— А у тебя, Василиса, все еще впереди. — Засмеялась колокольцем Зойка. — Вот вырастешь — тебя и полюбят по — настоящему. И ты уедешь с ним далеко — предалеко на озеро Байкал... Или куда ты хочешь?

— Да я на море...

— Ну на море... — И поцеловала Басю прямо в нос! Зойка Котова! Вообще!

Еще за две минуты Зойка сбегала в дом и принесла леденцы в круглой коробке с Кремлем на крышечке.

— Возьми вот, Иван нынче купил. И не плачь, моя хорошая, ладно?

Бася все поняла, кивнула, но никак не могла сдвинуться с места, точно боялась спугнуть что — то необыкновенное. Только Ларка как всегда оказался сообразительной: она подхватила Басю и потащила с котовского двора.

— Видишь, как хорошо все кончилось, — затараторила она, косясь на леденцы. — А Зойка — то какая чудная. И как это от нее жених мог уехать, не понимаю.

— Значит, он плохой, до него это не дошло. А Ванька Котов, сын капитана Гранта, не плохой. Он меня из лужи вытащил. А Зойка вообще... Все бы взрослые такие были — вот как Зойка и как Король...

— И тебе теперь не страшно за молоком ходить, да ведь?

— Не — а, не страшно. Знакомые есть.

— А можно и я с тобой буду ходить? Мне ведь тоже интересно, — предложила мечтательно Ларка.

— Спрашивашь! Конечно, можно.

И они неторопливо пошли дальше, волоча тяжелую сетку с банкой молока.

УЗ УЖУЖУ

МОМОДОТО

МЕЛЕВВА

Антоше купили спортивные лыжи с ботинками, а потом еще и свитер из овечьей шерсти. Ему, видите ли, на соревнования. Он, видите ли, разрядник. А Басе фильмоскоп опять не купили, хотя по сравнению со скоростными лыжами это просто ерунда. Дождутся, что фильмоскопы кончатся в раймаге.

— А почему одним все, а другим ничего? — спросила Бася.

— А потому, что не твоего ума дело, — отрезал папа.

— А потому, что ты не любишь спорт, — поддел Антоша.

— А надо быть выше этого, — напомнила мама.

Что значит быть выше, Бася выучила хорошо и замолчала. Она помнила, что у папы на заводе взорвался котел и получки долго не будет. Что за завод такой? На нормальном заводе директор сам должен всех наказывать и получать больше всех. А тут директора наказывают. Ясно, никакой фильмоскоп и не светит...

Бася пошла тилибомкать на пианино, подбирать песенку «Солнца не будет, жди, не жди, третью неделю льют дожди...» Настроение от грустной песни совсем упало. Сходить проведать Бульку, поиграть с ним? Он жутко смешной...

Цепь и ошейник валялись рядом с будкой, а самого Бульки нигде не было. «Интересно, кто его отвязывал? — задумалась Бася. — Вроде мы последний раз его не отвязывали, а привязывали...»

— Антош, ты отвязывал Бульку?

– Вчера.

– Нет, сегодня.

– Сегодня – нет.

– И я нет! А его не видно. А он некормленный. Может, поищем?

– Бась, ты зануда. Тебя пожалей, ты сразу и пристанешь.

– А что такое зануда?

– Стань на мое место, поймешь. – Но все – таки оделся, пошел.

Побегали, позвали: «Буля, Бульон, Буль – Буль...» Он не отзывался.

– Все, надоело. Некогда, пошел, – с досадой сказал Антоша. – Или удрал, или спит, как уже было сто раз.

Он заглянул на всякий случай в будку, сказал «мгм», потом замотал головой – «ничего нет» и с силой потащил Басю прочь. Басе это не понравилось и она полезла смотреть сама. Пошарив, вытащила что – то мягкое... То, что раньше было Булькой. Грязные лохмы и кишки.

– Ой, – вытарацилась Бася, – ой, боюсь, боюсь...

Но бояться было поздно. Ведь живого ласкового Бульки, обжоры, игруна и трепателя маминых цветов – уже не было... Испачканная рука, на ней бурые гадостные пятна...

– Да пойдем, господи, – закричал Антоша, – зачем же смотреть, нельзя тебе смотреть на это!

– Стой, Антош, – Бася безотрывно смотрела на то, что раньше было Булькой, – а как же мы не слышали? Ведь ему было больно, когда его...

– Еще бы! Ну идем же!

– А мы похороним его?

– А как же, с оркестром, – зло сказал Антоша.

– И нового заведем, да?

– Ну уж нет, этот второй. Первого тоже, это Бой был, черный такой... Кто – то не хочет, чтоб у нас собачки были, поняла? И хватит про это. Иди мой руки и марш гулять.

– Может, к Надюшке?

– Вот – вот. Давай хоть к Надюшке, – обрадовался Антоша, – и не думай, не думай про это, ясно?

У Надюшки сидела Алка Пестикова. Они трескали блинцы с оторочкой, которые пекла Надюшкина бабка.

– А мамка совсем измаялась, – рассказывала Надюшка, вытирая масляную щеку. – Полдня простояла в раймаге в очереди. Пока стояла, все думала, брать туфли, аль не

братъ, больно дороги туфли — то. А у нас и так Вовка в техникум поехал...

— Басена, ты блинцы — то ешь, — вмешалась бабка, — вон сколь теста натворила, прорву.

— Сейчас буду, — согласилась Бася, хотя ее сильно тошнило и даже трясло, — а какие туфли, расскажи.

— Туфли царские, — вещала Надюшка, — бархатные, синие как ночь, каблук карандашиком. Цветок на носочке лаковый, колом стоит.

— Так она купила их, нет?

— Первый день стояла — не взяла. Даже ночь не спала, ворочалась, уж больно понравились. На другой день опять стоять пошла, а там уж и милиция приехала, чтоб очередь не дралась. Дак выстояла, купила. Дома померяла — хороши. Аж заплакала. Опять ночь не спала, от радости.

— Бесподобно! — Алка даже вскочила со свернутым блинцом. — Только моя мамочка от туфель никогда не плачет... У нее их целый чемодан, и еще сапожки красные с наборным каблучком...

— А у моей мамы полная шкатулка колец, — выпалила Бася.

Все даже замолчали.

— И с камушком есть? — пропищала Алка.

— И не с одним. Красный — рубин, белый — жемчуг... А чтоб руки были белые, она печку сама не топит.

— А кто ж ей топит? — это Надюшка опомнилась.

— Домработница. Не за так, конечно. Но папа у нас ничего получает...

Про котел Бася утаила. Про Бульку — тоже ни к чему. Пусть не думают, что она им тут побирушка какая — nibудь.

— А еще папа делает бар. Это в шкафу такая дверка: откроешь — музыка, свет, бутылочки, рюмочки. Все так и сверкает.

— Да тебе приснилось, Баська.

— А вот и не приснилось. Как увидите, так обалдеете. Антоше купили лыжи алюминиевые, скоростные, а мне пианино. Оно не наше, красное, букочки золотые. Видали? — Бася вошла в раж и не могла остановиться. — А маме шубу.

— Пианино видали, а шубу нет. Длинная? — Аллочка считала себя специалисткой.

— Нет, не очень. Но такая... Дорогая. Стоящая шуба.

У бабки Надюшкиной даже блин сгорел. Она покачала головой и сбросила его в ведро, бормоча: «Живут же люди...» Бася была вся пунцовая, раскраснелась некстати.

— А про платье мамино знаете? Она свела выкройку из журнала и сшила сперва из простыни, а потом уж из дорогого матерьяла. Теть Роза из ателье у нее просила, просила выкройку, мама все не давала, не хотела, чтоб у всех было одинаково... Теть Роза тогда попросила на обед, только показать подругам и что? Свела платье. Мама глянула — а там все швы распороты и снова сшиты, и нитки другие... И теперь она себе такое же сшила... Юбка солнце, рукав вот досюда, а вырез уголком до пояса...

— Как так? Все видно, что — ли? — Надюшка потрясенно глотнула кусочек блинца.

— Ничего не видно! Под вырез специально манишка есть, такая кофточка без рукавов, из кружева.

— Покажешь?

— Потом, когда дома никого не будет, — снизошла Бася.

И пошла домой очень гордая. Бархатные туфли с милицией были забыты, блинцы тоже. Жизнь уже не казалось такой мрачной, наоборот, все стало другое, интересное. Папа — богатый, сильный, мама — красивая, таинственная. На такую не подумаешь, что век в захолустье живет, с головной болью из школы приходит, золу из печки выгребает, тетради правит до ночи...

Когда Басе было приказано вымыть пол, вынести ведро и выбить половик, она не оговаривалась, сделала все со страшной быстротой, а после принялась за уроки. Все удивленно переглянулись.

Но через два дня в школе был назначен педсовет и соответственно мать задерживалась в школе. К Басе пришли Алка Пестикова, у которой мать была географичка в той же школе, и Надюшка Сарычева: смотреть. Бася стояла у стенки, руки за спину. Ей хотелось, чтобы девчонки провалились куда подальше, но нет, они хихикали, не проваливались. «Зачем это надо?» — с тоской думала Бася.

Постучали в дверь. Бася выбежала, вернулась, взяла что — то, снова на выход.

— Что это ты мотаешься? — подозрительно спросила

Аллочка. — И где твоя домработница?

— Это она и была, — не моргнув глазом, ответила Бася, — пошла к соседке пироги ставить, так закваску забыла.

Мимо окон прошла женщина, держа платок у подбородка.

— Так это же мать Басяткина, — сделала открытие Надюшка.

— Ну так что? На домработницу вполне похоже, — заметила Аллочка.

— А бар вот он. И платье — вот оно. — Бася распахнула по очереди шкаф и шифоньер. Девчонки потрогали тяжелую ткань. Золотые пуговички на манжетах и по вырезу были на месте.

— Шуба — то... — не унималась конопатая Аллочка.

Как же хотелось выголкать ее из комнат и никогда — преникогда больше с ней не разговаривать!

— Стойте, стойте, девочки! Что ж я ищу — то? Ее и не может тут быть, шубы — то.

— Ага! — Аллочка злорадно рассмеялась. — То — то и оно.

— Мама хотела в ателье отдать. Рукава длинноваты, решила подкоротить.

— Кто тебе поверит! Отвалить деньги и перешивать...

— Да, невезуха, — посочувствовала Надюшка невидимой шубе.

В этот момент Алка оглянулась и заметила стоящего в дверях спальни Антошу.

Комиссия порядком перепугалась, только Аллочка пискнула:

— Антон, по — твоему какая шуба лучше — пятнистая или гладная?

— Пятнистая? — нахмурился Антон. — А ну, кыш.

Девчонки кинулись бежать, одеваясь на ходу.

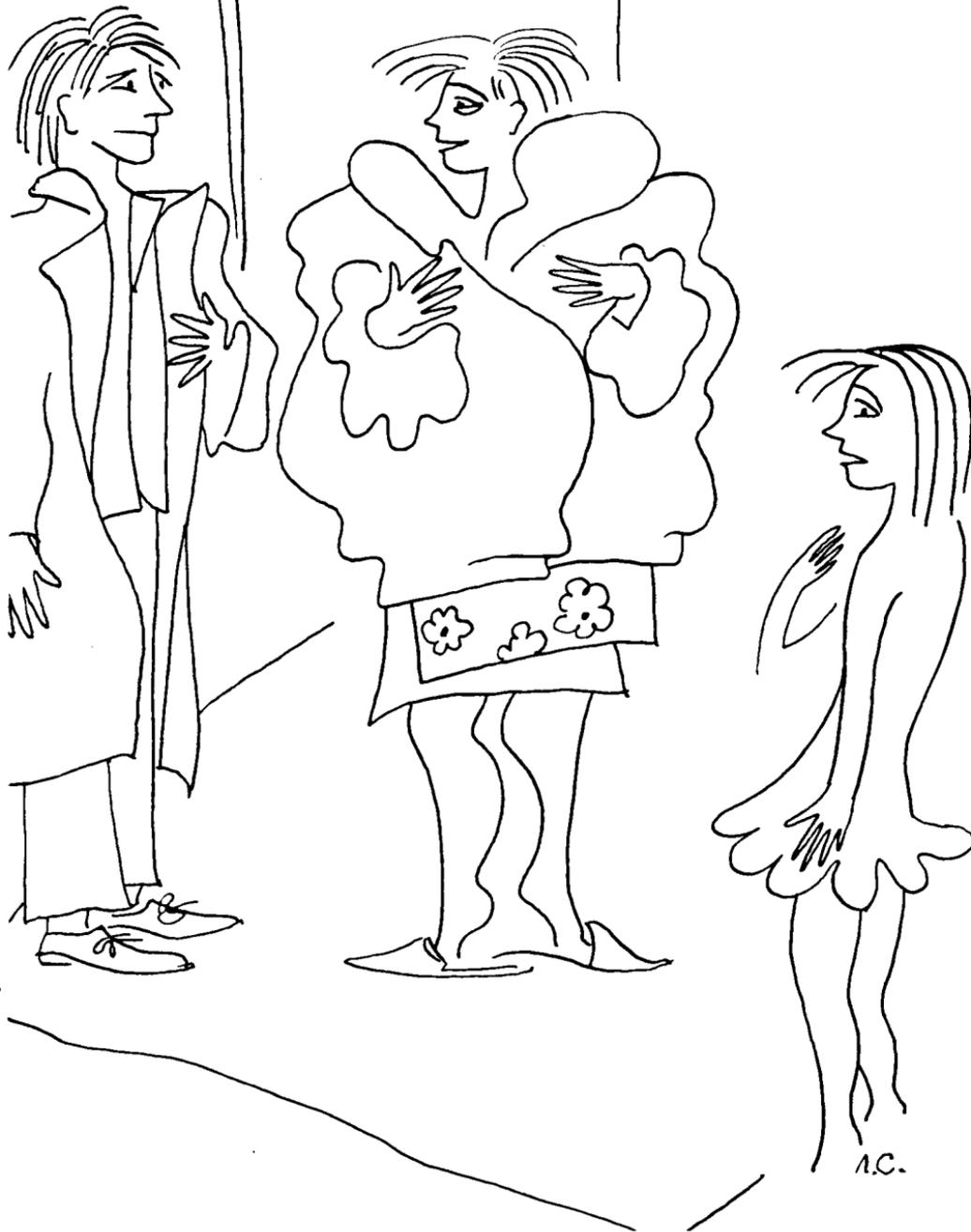
— Признавайся, про что плела.

— Да так, ничего особого.

— Смотри, добрешешься...

Когда вечером мать пришла с педсовета, Бася, уткнувшись в учебник, наострила все же ушки. Как — выплыло, не выплыло?

— И почему они думают, что у меня все с неба падает? — возмущалась ма. — Ладно еще — историю с платьем

перемывают, Роза все ателье в мое платье нарядила, мне его и одевать противно. Но тут уж пошли в ход какие — то драгоценности, кольца, шкатулки, домработницы... Откуда все это, Степа, никто никогда на мне не видел...

— Глупости, Рая, — успокаивал ее отец, — завидуют. Ты умеешь шить, одеваться, не чета этим клушам. Вот они и перемывают. Ох, Рая...

Бася дрожала как осиновый лист на ветке.

Кстати, последние листья с веток опали и шарахнул морозец, а там и первый снег. Отец уехал на совещание в область в тонких ботиночках и ма считала, что он простудится. Приехал поздно ночью, когда дети уже легли спать, ма проверяла тетради. В большой зале слышался топот и хруст целлофана.

— Да как же ты брал — то? Ведь знаешь, у меня маленький размер, сорок шесть.

— Какой там «сорок шесть»... — Отец расхаживал одетый, в ботиночках прямо по ковру. — Размеры все нерусские, ничего не поймешь. Говорят, оставили на базе несколько штук обкомовским женам, они похватали, мне — что осталось. Меряй скорей.

— Сейчас, сейчас. Деньги — то где взял?

— Занял, где же. На мне котел еще висит, сама знаешь...

Наконец — то мама облачилась в обнову и закружилась на цыпочках, поводя руками. Бася видела из — за портьеры, как сияли ее глаза. Мама в шубе! Нет, это невозможно!

— Немножко широка вроде. Но ничего, я пуговицы переставлю... Слушай, Степа, она на карту похожа, да? Никогда такую не видела. Из какого хоть зверя?

— Да ты ничего еще не видела, Рай. Завез я тебя, понимаешь. В захолустье ... Говорят — из шкуры молодого теленка. Английская... Ты полу — то отверни: там корона.

Мама, мама. Как она смеялась счастливо, как озорно пряталась в огромный, по плечам, воротник. Красивая, нездешняя женщина...

И надо ж было такому случиться, что на той же неделе прилепала к матери Пестикова, Алкина мать. Просила одни выкройки, взяла другие, все перепутала, а под конец не выдержала:

— Знаю, что вы человек сдержанный, не любите и так далее, но уж шубу — то покажите. Зима на дворе, а вы прячете, не носите...

– Прячу? – Ма потеряла дар речи. Но шифоньер нехотя открыла.

– Что значит вещь! – Умильно ворковала Пестикова. – Такую правда жалко носить.

– Да когда носить? Степа только что из области...

– Полно, вы давно купили. – Пестикова вся на сахар изошла, добилась своего.

– Да как давно, с чего вы взяли?!.

– Дорогая, от детей ничего не скроешь... Пока.

Басю вызвали на ковер.

– Ну? – Раздалось это грозное вечное «ну». – Что это значит, отвечай.

– Не знаю. – Бася привычно ушла в себя.

– Что за привычка все тащить на улицу? – Ма нервно рисовала ручкой завитушки. – Откуда, скажи, эта дрянь в тебе? Эти кольца, бары, шубы? Мы с отцом работаем как лошади. А люди думают – «гребем». Ты масло в огонь подливаешь! Степа, скажи ей...

Отец молчал. Бася тоже. Она привыкла быть виноватой.

– Отец полжизни на этот завод потратил. У него столько врагов появилось, а он не сдаётся. Но нас не хотят, выживают, ты понимаешь или нет? Тебе мало убитых собак? Так ведь и до нас очередь дойдет! Степа! Ну?..

– Может, не надо так на ребенка, Рай? Она не понимает...

– Все она понимает! Не надо!

– Не понимает... Баська, лучше скажи, как это ты шубу купила вперед меня? Ведь это все нечаянно вышло, я до совещания вообще ничего не знал. И давали не всем, только депутатам...

– Да не знаю я! – Закричала все себя Бася. – И никакое масло не подливаю! Я просто хотела, что ма самая лучшая была! А шуба же висит, висит! Проверяйте как хотите!

"БАБА,
ТОП!"

Анна Дмитриевна пригладила сухой ладошкой ровный пробор и лаковый узел волос. Все затаили дыхание.

— Многие из вас, друзья мои, ворон ловили на уроке, вот на контрольной и сами попались. Щербатых с Анисимовой, Дорофеевы оба отлично справились, хотя один у другого списал. Пестикова, Сычев и Стрижова на одну ступеньку отстали. А Бубенцова съехала! Стыдно, Бубецова, ты не Михеева. Михеева, Паншина, Домаев — горе луковое. Остальные серые зайцы, сами не хотят стараться. Все на этом. Бегите на свои горки, да не забывайте лыжи: завтра будет вам кросс.

Потом открыла дверь в коридор и строго добавила:

— Матрена, ты ушла али заснула? Пять минут как уроку конец.

Тут же послушно заколотилась тяжелая гайка внутри медного звонка на ручке. Все побежали как на пожар, Анна Дмитриевна оказалась прижата к доске.

Бася, которая съехала с пятерки на четверку, по дороге домой съехала с подвала на портфеле. И потом шла и думала, почему Михеевой можно два получать запросто, а Бубенцовой уж и четыре нельзя? Сразу то да се, съехала, матери скажут. Потому что у Михеевой отец алкаш, а у Бубенцовой директор? Ничего себе...

Бася не хотела гулять долго, потому что наконец дождалась в библиотеке чудную книжку. Ах, это была толстая книга с золотой стершейся обложкой. Много цветных мультипликационных картинок, а по страницам

густо рассыпаны рисуночки помельче: лукавые птицы, рыбы, важные принцессы разговаривали друг с другом. Девочка, которая не испугалась Снежной Королевы. Русалочка, ставшая пеной. Ожившие куклы... Андерсен, Андерсен. Бася захлопнула книгу, чтоб нарядные страницы не мокли от летящих снежинок, вбежала домой, протирая запотевшие очки. «Ох, сейчас почитаем...»

— Мам?

Ма не отозвалась. А на диване лежал отвернувшийся к стенке Антоша, причем одетый. При маме он так никогда не делал. Бася покачала брата за плечо:

— Ты чего?

Тот очнулся не сразу, ладонью тер глаза, которые не открывались.

— Слушай, я после лыж холодянки опился... Кажется, температура, ушел с уроков. Дай коробку с лекарствами.

— На... А ма?

— Наверно, укатила в район с отцом.

— Как? А я ничего не знаю...

— А ты никогда ничего не знаешь.

— А чо теперь делать?

— Ничо. Сиди тихо и дверь закрой на один замок, а то они приедут, не откроют с той стороны. Валенки не снимай.

— А печка на что?

— Ты не сумеешь.

— Ой да, не сумею...

— Ну и сиди. Я, может, засну опять.

«Можно, конечно, в валенках. Можно и платок мамин накутать, и хлеб черный с солью поесть, вон какой хлеб хороший...» Подумав так, Бася устроилась у окна и открыла свою книгу. Только не учебник, нет, а Андерсена. И зашелестели вокруг нее волшебные голоса, словно радио включили. Запорхали эльфы, заскрипели калоши счастья, полетели дикие лебеди над новогодними елками... И опять смолкло — выключили радио. В чем дело? Бася обеспокоенно глянула в окно. Снег стал густеть и фиолетоветь. Темно уж стало — скоро из дома нос не высунуть.

Басе хорошо было в валенках и в платке, только на душе было как — то тяжело из — за Антоши. Ма всегда давала в болезни горячее молоко с медом, заставляла над паром

дышать. А где его взять, этот пар?

Отодвинув книгу, Бася накинула пальто и побежала в дровяной сарай. Набросала поленья в бывший половик, ссыпала на кухне, пошла за углем. Полведра набрала, остальное в ужасных глыбах. Такие бы ни в печку, никуда не влезли. Такие надо было поразбивать. Попыталась топором — одна глыба развалилась сразу. Вторая спружинила, топор отлетел. А ну, посильнее. Есть! Но острое задело коленку и там стало горячо. Скорей лопатой... Закрыть дверь сарайную, не то псы бродячие набегут.

Домой влетела хромая, захлопнула вход, брякнула об пол ведро с углем. Бася сбросила пальтишко прямо на пол и в ванную. Там распутала чулок, потерпела, пока кровь унялась, капнула йод, согнувшись, долго шипела на рану. Потом тем же чулком примотала сухой подорожник. Летом девки так же делали, заживало...

А потом только она двинулась на кухню. Дрова и ты пихать некуда, в печке полно золы и этой, как ее, жужалки. Куда девать? Спросить не у кого. Вывалила в ящик от посылки, наплевать. Зато дрова уместились, а под ними старые газеты.

Спички гасли, не поджигались даже газеты. Почему?

Замурзанная Бася стояла перед такой же увоженной печкой и смотрела на нее с ненавистью. Ей казалось — еще немного и эта громадина поедет на нее, раздавит! Чтоб не лезла куда не надо...

Одним глазом заглянула в сказочную книгу. О, фарфоровая Мери шла в окружении любимых кукол, высоко неся свечи... Свечи? Да, конечно свечи, как она сразу не догадалась! Бася достала бенгальские свечи, припрятанные для Нового года. Чуть не свалилась с двух табуреток — одна на другой. Ей, конечно, жалко было тратить праздник, но что делать. В доме больной...

Зажгла все сразу, сунула в газетный ком, печке в пасть: на, подавись. И газеты пыхнули, и дровины занялись неторопливо. Это хорошо. Но дыму...

— Бась, ты не с печкой воюешь? — позвал Антоша.

— Да, а что?

— Так ты дымоход открой, там железяка наверху... Дым на комнату прет...

— Но там же горячо вступать...

— Кочергой.

От открытой вьюшки огонь просто взвыл. Бася заторопилась, сыпанула уголь... Ужас! Вой скоро прекратился и опять пошел дым. Бася в крик:

— Антош! Все потухло!

— Так брось да уйди... — Голос Антоши стал глухим.

— Как «уйди»? Не водой же заливать. Неужели все сначала?

— Ты пыль не сыпь, слышишь? Ты кусочками...

Антон опять замолк. Что уж, ему так плохо, что не встать, не помочь?

Бася поплакала и начала сначала. Сняла кольца по одному, обгорелые поленья доставала варежками, но и варежки задымились. Ими же вытирала слезы. На кого она стала похожа! Только жалко, что вправду не трубочистка, уж тогда бы она живо все тут раскочегарила! А почему у мамы все разгорается быстро? А тут не греет, дракониха проклятая, как назло. Пнуть бы её, чтоб развалилась.

Бася долго, очень долго рубила и колупала полено ножом, чтоб получились мелкие щепочки. Время было позднее, голова болела, хотелось есть. Вот, наверно, в войну такая жизнь и была — голод, холод, горе... Зачем такая жизнь вообще? Лучше не жить... Сейчас, сейчас, все сначала... Газеты старые, щепочки домиком, поленья крест — накрест, потом уж головешки... Подождем. Тихо, тихо, по одному кольцу закроем... Гори же ты наконец! Гори! Спасай нас, миленькая, не давай пропасть! Ну!

В печкиной утробе что-то шевелилось, трещало, перепыгивало. Все крепче, сильнее. Неужели конец мученьям? В поддувале заплясали слабые зайчики. Угольки тоже по одному, по камешку, голыми руками, чтоб без пыли... Туда, туда, в ненасытное брюхо. Вот видишь, поддалась. Большая печка маленькой Басе поддалась! Гори давай, а не то...

Плаха накалялась. Бася пристроила кастрюльку с пшеном, синий молочный ковш. Потом обернула ручку грязной варежкой и понесла Антоше молоко.

— Проснись. Молоко с медом на.

Выпил и снова упал на подушку. Без слов. У Баси тоже закрывались глаза, но она боялась, что каша уплывет. Тем более что ее становилось все больше и больше, она лезла и лезла, как из того волшебного горшочка. Пришлось отложить в другую кастрюлю...

По трубам и батареям весело журчала и поцокивала вода. Все оживило как при маме. На улице лютый мороз, а в кухне окно прояснело и протаяло ото льда. Бася обмела печку веником. Теперь она уже не казалась ей драконихой. «Спрячь нас, печка. — Съешьте ржаной пирожок, спрячу...»

Родители приехали домой ночью. Они потом рассказывали, как в дороге сломалась машина, как они искали попутку, добирались до ГАИ и звонили в разные места. Зайдя в дом, сначала испугались. Они увидели сильный разгром — валялись дрова, уголь, лопата, пальто. Пахло горелым — это начали пригорать две кастрюли каши. Зато было очень жарко! Антоша спал на диване одетый, а Бася на своей кровати, тоже одетая, и еще в валенках и в саже. Рядом лежала книга Андерсена.

На другой день Бася пришла из школы и заинтересованно подошла к печке. Отныне она считала ее живым существом! Та дышала африканским теплом и добротой бесконечной. Рассыпала в поддувале золотые искры. Горишь, спасение наше? Ну давай, гори.

И погладила печь по беленому боку, и раскрыла, наконец, свои сказки...

ЧЕТЫРЕ КЛАДА?

— Делаем три шага по прямой — раз, два, три. Дальше по плану солнышко в круге и стрелка. Что это значит? А вот тут кругом забор. Мы пойдем вдоль него по кругу, пока на что — то не наткнемся...

— На что? На что похоже солнышко в круге?

— Э — эй! Смотрите, тут колесо велосипедное, под ним камень. Подходит?

— О... Очень даже. Копать надо.

— Ур — ра! — Ларка первая докопалась до заветной коробочки. Внутри оказался шоколадный лом, да еще горка двухцветных подушечек, печенье кофейное...

— Вкуснота, — жмурилась наивная Надюшка, — век бы клады искала!

— Разбежалась, — осадила ее Ларка, — мы же смотри сколько пыхтели, искали. Уж на что я проворная, и то не могла сообразить. Часа два промыкались, точно?

— Да мы вместе искали, не ты одна, — Бася что — то медлила и клад не ела.

— А ты, Бася, молчи, сама ни разу не отгадала, только путала Ларину, — сморщила Алка конопатый нос.

— Ну уж не ты ли отгадывала! — воскликнула сама Ларина, — Баська знаки толковала. А что на местности — в очках же человек. Так что не надо.

— Бросьте, девчонки, — продолжала улыбаться и жмуриться Надюшка. — Баська не искала не потому, что не знала. А я знаю почему!

— Ну говори...

— А потому что она сама это прятала!

— Скажи, какая догадливая, — жеманилась Аллочка, — Бась, правда?

— Так — так, — Ларка задумчиво глазела на Басю. — А я надеялась — Надюшка.

— Куда мне! — замахала руками Надюшка. — За пустырем живу, да разве я ваши дворы знаю?

— Да, это Баська, больше некому. Она всегда напридумывает... — Алка грозилась пальцем. — Признавайся.

— Сама признавайся. — Бася гордо протирает очки. — Мы ведь как договорились: неважно, кто что придумал, главное, чтоб интересно было. А вы опять разбираться начали.

И спокойно съела свой шоколадный лом.

— Ну ладно, а как быть с этим: записки приходят всем, кроме тебя. Тебе не приходят, значит, ты и посылаешь. И кто, кроме тебя, наши адреса знает? — Ларка продолжала расследовать. Хотя что тут было расследовать? И так все ясно.

— Кто? Да чужой, — ответила небрежно Бася. — Пошли расходиться.

Сначала провожали Пестикову: мать училка, дочка пискля. Потом Надюшку Сарычеву за пустырь. Потом Ларку, ее всегда ругали сильно, если не выкинет ведро, не отвяжет собаку. Ларка все выносила, запирала, отвязывала и махала с крыльца: мол, пока. А насчет Баси, что ей скажут дома, где тоже мать училка, никто не волновался.

А через пару — тройку дней компания опять встретилась на обычном месте, на бревнах.

— Что делаем сегодня? — Алка быстро доедала свой хлеб с повидлом.

— Мне ничего не было, — улыбалась Надюшка, — а кому было?

— Рань такая, солнце вон где, — рассудила Ларка, — можно бы три клада найти.

Бася показала им новый план:

— Видали? Наконец и мне пришел. Вот вместе и пойдем по знакам.

— Погнали. — Скомандовала Ларка. — Первый знак: ноги равно сто сорок. Значит, сто сорок шагов вроде бы на солнышко. Это типа того, что в прошлый раз?

— Да нет, это значит — на восток, — сообразила

Алка, — но с какого места?

— Нарисованы клеточки, решеточки. От них.

— Да это милиция! — блеснула Надюшка.

Но шаги на восток от милиции не получались — в одну сторону глухой забор, в другую — ржавые ворота на замке. Пришлось пройти через автобазу.

— Смотри, Баська, нашей Михеевой брат. Говорят, в школу не ходит, а шоферне за бутылкой ходит.

— Где, не вижу... Да что вы меня со счета сбиваете! Сколько теперь шагов?

Шаги кончались у Телячьего ручья. Там стеной стояли лопухи и репейники.

— Идея, скажу вам, дурацкая, — шипела Аллочка, — пальто в репьях и дальше полный обрыв. Прыгать в обрыв?

— Не психовать. Отдышаться дай. — Бася осмотрелась. — Надо дерево искать, а ты психуешь...

— Да деревья все на той стороне, — приуныла Надюшка, — как туда?..

— Переправы тут, конечно, не было и нет, — заключила Ларина, — но должно быть место, где помельче. Хотя бы вон там и перейдем, где камни. Потом берегом вернемся...

— Вернемся — навернемся... — ворчала Алка.

Махали руками как крыльями — камушки оказались скользкие. Обувка подмокла. Хватались друг за друга, только Ларка ни за кого не цеплялась, сама всех подбадривала. Прыгнув на бережок, Аллочка так затрещала кустами, что взлетели воробьи. Надюшка забрызгалась больше всех, но не выступала, а лентой из своей косы протирала Басины очки. Пошли обратно берегом. Где же то дерево?

— Где дерево? — вопрошала Алка. — Сколько можно?

— А вот оно, — Бася ткнула в ободранный от коры ствол, на котором чиркнули мелом стрелку.

— Стрелка, извините, вниз. В землю?

— Вниз, значит, вниз...

Ларка, как всегда, первая нашла низ и спрыгнула в траншею. Траншея оказалась немелкая, метра два в глубину. Бежать по ней было трудно, борта осыпались. Шли до упора, до глухого перекрытия...

— Опять ничего не понять. Чего в бумажке — то? — Алка норовила глянуть Ларине через плечо, будто что-то понимала.

— В бумажке труба и дым. Котельная? Вон она. А еще цветочки и кошка черная.

— Это я знаю, девочки, — подала голос отставшая Бася, — это «Ландыши» и «Черный кот». Это я слышу каждый день — песни, которые крутят у нас на...

— На танцплощадке! — нестройно закричали все.

Добраться до котельной и повернуть лицом на танцплощадку было делом десяти минут. Добрались. Но если бы они видели себя в зеркало! Красные, растрепанные, у Баси бордовая царапина через щеку, у Надюшки коса расплелась до самого уха, Алка в глине...

— Мне дальше неохота... — сказала она, выбирая из волос репей. — Я по правде устала и в боку колет. Давайте завтра доищем?

— Не по правилам! — Подскочила Надюшка. — Или иди, мы клад на троих разделим. Но потом не говори, что не веришь и все такое.

— А мы уже пришли. — Это Лара. — Значков — то нету больше. Пусть идет.

Аллочка сразу примолкла.

— Думаешь, танцплощадка?

— А тут и думать больше нечего. Только под танцплощадку две дыры, обе маленькие. А под эстраду всего одна. Кто первый? Айда.

Под эстрадой пришлось пробираться на полусогнутых. Там было темно, страшно. Мимо порскнула кошка. Воняло туалетами.

— Как бы тут не влезть... — Лара зачиркала спичками. И откуда у нее вовремя спички? На столбике в этот момент мелькнула стрелка мелом.

— Ой, мама! О — ой!

— Чего визжишь — то?

— Тихо, девки, тихо... Сами себя дурим...

— Да вон, огоньки...

Лара еще посветила, Бася протянула руку... Там на цепке висело... Нет, честное слово! Тяжелые круглые часы. И светили зелеными цифрами. И под ними кирпич, прикрывавший крест — накрест перевязанный пакет. Вот оно...

Они вылезли наружу, испуганные, перемазанные, счастливые. Глаза так и сверкали. Разделили клад.

— Тебе, Алка, желтую рыбку, под цвет волос. Тебе,

Ларка, синюю птицу за быстроту, тебе, Надя — красное сердечко, а мне шишку, еловую голову. И вот еще орешки... А кому часы?

— Клад же тебе, значит, и часы тебе, — заговорили все.

— И все — таки это странно... — Засомневалась Ларка.

— То все сладости были, а то вдруг такая ценная вещь. Неужели, Баська, это на самом деле ты?

— Ну что ты! Мне самой не по себе... Девчонки, если часы чьи — то ваши, то лучше признайтесь. Игра игрой, а как дойдет до ремня — не обрадуешься.

— Еще чего! — Закричала Аллочка. — Теперь ты начала разбираться. А сама что говорила?

— Все, темнеть стало. Проводите меня, девки, за пустырь, — разохалась Надюшка. — Еще и настращали на ночь глядя. Поймите вы: может, это для Баськи специально... Один раз и все... И хватит, и не будем больше кладу искать.

— Да что вы, девочки? — Вмешалась Бася. — Да что вы так всполошились — то? Ну давайте играть в другое. Мы вот с Ларкой уж пробовали играть в принцессы — наследницы.

— Как в принцессы?

— Как в кино. Например, в глухом лесу, в домике лесоруба росли девочки и лесорубова жена учила их рукоделию — ткать, прясть. Чтобы потом на рынке городском продавать. А случись — заболела она, так пришлось им самим ехать. Там понравились не только ковры, скажем, но и сами они. Богатые князья их стали выслеживать. Нашли старого слугу, он подтвердил, что они знатного рода, а вовсе не лесорубовы дочки, а опального графа, он полжизни в тюрьме просидел, вроде Железной маски...

— А что такое опальный?

— А сколько сестер?

— А сколько захотим, столько и будет. Нас четверо и их будет четверо. И у каждой свой жених и все такое... Договоримся, какое у кого имя по игре. Ларке нравится Эвелина, я знаю. Мне Маргарита. А тебе, Надюшка, какое?

— Ой, да я такие не знаю! Ты сама подскажи.

— Лорелея. Надо Лорелею?

— Надо, надо. Здорово.

— Лорелея? С ума сойти. — Аллочка чуть не заплакала

от зависти. — Все хорошие расхватали, мне ничего не осталось!

— Не убивайся, — засмеялась Бася, — давай, ты будешь Луиза? Или Адель...

— О, Адель... Это уж действительно... — Алка даже в ладоши захлопала.

— Темно ведь, ну совсем обалдели... — Ларина опомнилась первая.

— Прощайте, прекрасные незнакомки, — пропищала Аллочка, — мы все равно разыщем вас.

— О, не трудитесь, храбрые рыцари, — пропела в ответ Бася, — наш след затерялся в глубине королевского леса...

— Да хватит, хватит...

— Ну пока...

Дома Бася прокралась на кухню, съела второпях холодную котлету, запила молоком. Потом так же тихо прокралась в свою комнату... Но ма ее расслышала.

— Эй, ты где это мотаешься? — издали повысила голос она.

— Да гуляла с девчонками по Садовой.

— Смотри, кто —нибудь стукнет впотьмах по голове.

— Да нет, не стукнет... — Басе хотелось ляпнуть про часы, но она понимала, что их сразу же отберут.

— А московский мармелад куда из буфета пропал? — Опять издали спросила ма.

— Это я его «пропала», мам... Ну, девкам дала попробовать. Они же тоже приносят...

— Ладно, хоть не врешь. Все только девкам. Не забудь, что есть и брат, между прочим...

Бася лихорадочно рылась в портфеле. Скорей, скорей, что там задали. Алгебра, физика, русский, «лит — ра». Физики не будет, физички нет всю неделю. Придет историк, начнет баланду травить не по программе. По «лит — ре» готовиться к сочинению. А чего там готовиться? Напишем на свободную... Так, алгебра. Это уже хуже... Бася заскрипела ручкой.

В одиннадцать мать заглянула к ней, опасаясь, что пробежала и долго будет сидеть. Нет, в комнате было уже темно. Что — то больно быстро уроки сделались. Да ладно, раз тянет без троек. Вот Антоша — тот уж три с лишним часа дрыхнет, и уроки его не волнуют, спокоен, как сто

китайцев.

Мать ушла, а Антошка, напротив, выпался и пошел пить молоко. У Баси вроде мигнул свет. Притворяется, лампу одеялом загораживает. Он подошел и откинул одеяло. А там Баська красная как рак в обнимку с настольной лампой.

— Чего читаешь? «Королеву Марго». Вот так номер. Ладно бы «Баня», «Яма», а то... Зачем прячешь — то?

— Так мне дали на два дня, а ма ругается, если ночью сидишь. А «Баню» и «Яму» мне нельзя?

— Нет, конечно, рановато. Ни к чему Куприна да Мопассана.

— Вот спасибо, что подсказал.

— Но — но. Ты меня не лови, а то я перестану с тобой дружить. И часы советую вернуть, как бы чего не вышло. Тому, кто их принес, как бы не нагорело.

— А кому, интересно?

— Ну, кто тебя больше всех любит, как думаешь?

— Ну, я думаю... Никто. Стой! А ты вообще откуда это?..

— Ни оттуда, ни отсюда. Ты думаешь, ты там одна по канавам ползаешь. Да ладно. Выключай канделябры, а то донесу королеве.

Потрясенной Басе стало не до королевы. А когда она на другой день пришла в школу, к ней подошли возбужденные Алка и Надюшка. У них розами пылали раскаленные щетки и переглядывались они как самые закоренелые шпионки.

— Ой, Бася, Бася, что деется!

— Нам новые планы пришли, это что ж такое?

— Причем одинаковые! Чтобы мы, значит, вместе пошли.

— Знаки все новые, и район далекий, за Сушкой...

— Потому что пруд и гора сушенская только там.

— Бась, неужели все — таки ты? Признайся, а то страшно.

— Что это значит вообще?

Бася покачала головой.

— Я тут ни при чем. Просто с нами начал играть кто — то пятый...

ОТЛУЧЕНА

У

ДВОЕЧНИЦА

Бубенцова записалась на автодело. Ну что ж. Когда уроки труда состояли из бутербродов или копания грядок, думать было нечего. Отбыл и забыл. А когда все классы поделили на электротехнику и автодело, пришлось выбирать: утюги чинить или баранку крутить. Девчонки пошли на утюги, пацаны на машины. Одно дело пацаны, им положено. А девчонка, да еще очкарик? Не иначе выпендриться захотела. Да конечно, за ней никогда никто не бегал, кому она нужна, камбала одноглазая. Хоть тут рядом потолкается.

Так рассуждали Басины одноклассницы. А на самом деле Басе было скучно не только на уроках труда, а и вообще в школе. Она не знала, чем себя заманить в эту поганую школу! Вечно боишься не ответить, опозорить мать. А водить машину — это уже как в кино играть. Когда Грину тоже было страшно или скучно, он придумывал Ассоль и Бегущую по волнам. Так и жил. Легче было так жить.

Бася думала : научится хорошенько ездить, потом бросит портфель под ноги, положит на руль загорелые руки и поедет по окружной дороге захоlustья. По пути ей будут попадаться соседи, махать руками, просить подвезти... Но Бася ни разу не остановится! Потому что она поедет в экспедицию, она больше в этой глуши пылиться не будет. Потому что в последнее время с ней происходили какие — то мрачные истории.

Взять натяжение нити. Натяжение постепенно дошло даже до Паншиной и Михеевой. Двоечницы поня —

ли, а Бубенцова, отличница — нет. Один раз попыталась подойти к физичке после уроков, чтобы та растолковала, но замотанная физичка торопилась в больницу и отмахнулась.

На контрольной по физике Бубенцова рисовала Ассоль с парусами, принцесс в туфельках. Господи, как ей хотелось стать одной из них и исчезнуть из этого пыльного класса, где вечно боишься всего! Пришел бы Король и сказал: «Пошли погуляем, принцесса.» И они пошли бы как тогда по бабушкиной Авдеевке и он купил бы ей «Джен Эйр». Ваське, как маленькому, он купил синие строченые штаны и куртку, а ей, как взрослой, купил взрослое...

Она рисовала Ассоль с парусами, а училке сдала пустой лист, только фамилию свою подписала. Понятно, что Басе грозил кол. Надеяться не на что. Но вот стали объявлять оценки: «Бубенцова — четыре».

— Вы что? — севшим голосом проскрипела Бася. — Не писала я. Чистый лист сдала.

— А вот это ты зря, — сухо отозвалась физичка.

Класс злорадно рассмеялся. Бубенцова забубенила. Ни бум — бум в натяжении, да еще гордится этим! А что стоило списать? Ах, списывать нехорошо? А позорить училку, которая тебя прикрыла? А мать позорить?

То физику она написала «на кол», то учитель физкультуры ее через канаву перенес, а жена учителява расскандалилась, что на шею вешалась. То политинформацию не подготовила, вся школа десять минут ждала у репродукторов напрасно... За такие промахи Басю порол. Это было обычным делом. После порки родители расходились по своим делам. А Бася долго сидела, глядя остекленевшими глазами в никуда.

Приходил Антоша: «Господи, и так калека, а они еще...» Доставал для Баси шоколадку, смешил, обнимал и так до тех пор, пока Бася не выходила из столбняка. Одновременно плача, смеясь и сморкаясь, она говорила:

— Антошка! Ты зачем меня так любишь? Нельзя ведь. А то они и тебя...

— Балда! Меня никак, я отговорюсь. А ты честная до противности. Ну скажи им, что они хотят, повинись! А сама потом как хочешь. А?

— Так я все равно не понимаю, что им надо — то... То говорят «не ври», то, значит, — «ври»?

— Ну переучили тебя, Баська. Молчи лучше. Ведь я плохо учусь, понимаешь? А мне — ничего... Да ну тебя.

А с этим автоделом вот что получилось!

Пока изучали устройство двигателя, зубрили все вместе. Потом, когда началось практическое вождение, каждого стали вызывать по одному. И с других уроков отпускали с уважением! Бася загорелась... И стала даже привирать про свою очередь, чтобы лишний раз покрутить руль.

Учитель по труду, старый солдат Недосекин, Басей был доволен, и поэтому, когда пришел в школу человек из газеты, Басю первую защелкали с коленвалом в руке. Она как раз железки собирала после занятий и вешала обратно на стенд. Недосекина тоже защелкали...

Принесли через неделю газеты. Там Басина физи — ономия на полстраницы. Переполох! Вызвали ее в учительскую, поздравили вместе с Недосекиным. Как было жалко, что мама с папой не слышали...

Потом приходили из других классов и шептались: «Та самая девчонка.»

Но если бы все кончилось так же, как начиналось! Старый солдат Недосекин, про которого вспоминали только на День Победы, с радости напился. Автодело отменили. Мать, узнав о газете, закричала не своим голосом: «Ты меня в гроб вгонишь!» Пришел отец, схватился за голову: «Зачем совалась, кто просил? И что теперь делать, и что подумают люди — вон как Бубенцовы воспитывают дочь! Видно, она всю жизнь собирается с пьяной шоферней водиться, а на другое не способна...»

Выпороли тапком с резиновой подошвой. Вздучась спина. Отцу было пороть слабо, взялась мать как более добросовестная. Она при каждом шлепке спрашивала сквозь зубы: «Поняла? Поняла?» Но Баська ничего не поняла, только вжимала голову. Реветь ушла за сарай. Родителей рев раздражал — виноватые плакать не должны. А может, они сами боялись быть виноватыми.

Вот и пойми после этого — ходить на автодело или не ходить. На следующий день она даже не пошла к машине. Пацаны из ее класса и сам Недосекин смотрели на нее с выпученными глазами... А она молча свернула к волей — большой площадке — там старшие классы играли в волейбол.

Новенький из девятого появился, на него смотрели. Он

мало двигался, но очень легко брал мячи. Стоило ему поднять длинную руку, как мяч просто прилипал к ней. Потом он отряхнул тренировочный костюм, взял с лавки книжку, заложенную листьями и прошел мимо Баси. Не — подвижно смотрели бесцветные глаза, отросшие белые волосы косо падали на впалую щеку. Ледяной какой — то.

В непонятных случаях Бася всегда шла к Ларке. А Ларка, конечно, все уже знала, ее сестра Лилька была с этим пацаном в одном классе.

— Зовут Андريس Петронис, приехал из Семиреченского детдома.

— Нерусский, да еще сирота? — ахнула Бася.

— Почему? Может, лишенный, может, родители дале — ко. Мало ли.

— А учится? Так себе?

— Да учится он только на пять, ты не поверишь. Он говорит в классе больше учителей. Директор — знаешь ведь, какой орун — так спросил его для засыпки:

«А что ты об этом думаешь, Петронис?» А тот ему: «Что думать, если в постановлении все сказано... Номер такой — то такого года...» Директор глаза на лоб. Это Лилька говорит! Прокурорша на что грозна, и та его хвалит, а сама знаешь, как все боятся этой общей биологии. Лизосомы, рибосомы всякие — Лилька говорит...

— Вот это да. Повлюбались все, наверно.

— И не говори, Лилька тоже вон... А он сел с дурой Зосимовой, все задания за нее делает, ей остается только переписать. Пацаны было высмеивать его стали, а он повернулся к ним так: «Я всегда на стороне слабого». То ее били как динамщицу, теперь из — за него никто не трогает...

Пора было идти домой делать уроки. На душе было темно. Было два коридора — со светом и без. И они не пересекались. В жизни Зосимовой — Петронис. В жизни Бубенцовой напоротая незажившая спина... Хотя Зоси — мова получала двойки, а Бубенцова пятерки. Ну кроме физики, конечно,

Проходя через лаз от соседей, Бася не сразу заметила, что у входной калитки кто — то стоит. Она вгля — дывалась, вглядывалась, но что может увидеть очкарик? Накинула опять пальто, пошла к забору. Маячивший обернулся, знакомо вспыхнул улыбкой. Бася покраснела.

— А... Ты вроде из девярых. К матери?

— Нет, Василиса, к тебе. Не узнаешь?

— Похож на кого — то... Нет, не узнаю.

— Моя сестренка Верка Михеева с тобой в одном классе. Верка мне про тебя много рассказывала.

— А вы с Верой очень похожи, правда что... Глаза, ресницы. Я раньше думала, что ресницы черные, у кого волосы черные. А у вас обоих волосы русые, а черные ресницы...

— Да ладно тебе. Не в ресницах дело — то.

— А в чем?

— В баранке. Я газету увидал — удивился. Девчонка на грузовик села, ничего себе. А ты ведь любишь машины.

— Не люблю. Я ездить люблю, а чинить нет. Как сломается...

— Я же на автобазе всех знаю. Всегда помогут почи — нить. Могу тебя научить на любой машине, хоть бы и на легковушке. Ну как?

— Да — а. Интересно вообще — то. На «Волге» вести легче, да?

— Спрашиваешь! А на школьном грузовике еще и управление двойное, никакого сравнения... И давай хо — дить?

— Я — с тобой?! — Бася просто обалдела. Она не верила, что кто — нибудь добровольно может ходить с очкариком. Очкариков презирают.

— Ты со мной. А что, не разрешат? У тебя же никогда парня не было, тебя, наверное, обижают, бьют... Я бы заступался. Меня вся шпана знает, никто бы не тронул.

Бася опять думала про спину и того больше покрас — нела. Она разглядывала мазутную фуфайку Михеева и ей становилось совсем не по себе. Откуда он знает? И разве он заступится перед Прокуроршей? А вдруг кто ее увидит с ним? Скажут — вон, уже с пьяной шоферней...

— Сдалась тебе эта автобаза. Учился бы лучше... — выпалила Бася и ей самой противно стало. Ну как замотанная училка рассуждает.

— Как же не работать, если отец все пропил? А еще Верку кормить...

— Во — от! Отец спился и ты сопьешься.

— Никогда в жизни. — Опять улыбнулся. — Насмот — релся по горло на это дело. Во!

Бася судорожно вздохнула. Разговор был не романти — ческий, не как в кино. Никакой любви, один базар, договор дурацкий. Значит, он ее — спасать. А она?

— А что мы делать будем?

— Как что? Гулять. Я тебя буду на машине катать, ты меня научишь в алгебре ковыряться. Ты же отличница.

— А ты двоечник. Все дети алкашей — двоечники. И тут ничего не поделаешь.

— Но — но, полегче, Василиса. Ты думаешь, я слабоум — ный? Мне просто не до уроков.

— Но ты на целый класс меня старше! Как же я тебя научу?

— А я и за твой класс все равно ничего не знаю.

Бася совсем растерялась. Она не знала, чем дальше отпираться, а Толян Михеев, веселый человек, стоял и радовался. Нашел тоже дурочку! Ветер швырялся опав — шими листьями. Соседка искала в роще загулявших сыночков и хворостиной гнала домой как гусей. Мимо парка с независимым видом прошел Петронис. Или по — казалось?

— Ты знаешь, Толя, я люблю столько книг, столько всего. А тебе все равно, ты ничего этого не знаешь...

— Ничего страшного. — Толян хлопнул по кленовому листу и сделал дырочку. — Тебе же не жалко? Ты мне расскажешь и я узнаю. А я тебе расскажу про «Энкан — тадас» и «Моби Дика». Ну, чего ты?

— Да мне не жалко. — Бася сильно нервничала и оглядывалась. — Я люблю, когда человек не просто умный, а умней меня. Иначе скучно, понимаешь? Мы разные, из разных...

Он засвистел, да так оглушительно!

— Думал — обрадуешься. А ты выделываться... Не ожидал. Ну где тебе, директорской дочке, с шоферюгой дружить? Это не с железкой на память сниматься!

Это было уже оскорбление. Бася круто повернулась по дорожке и пошла к дому. По обочинам шелестела по — жестяному полосатая трава. Красные, оранжевые листья взлетали и ложились на черную землю. А Толян Михеев остался стоять у калитки. И стоял там до тех пор, пока темнота не съела его фуфайку, пропитанную мазутом.

Мать тревожно поглядывала на Басю, которая стояла у проигрывателя и крутила пальцем пластинку. Она до —

бывалась того, чтоб ломаный приемник играл ровно и Магомаев не завывал. Слезы у Баси скатывались и исчезали на черной пластинке.

— Ты чего надулась, как мышь на крупу? Он тебя обидел, этот...

— Не он! — Бася глотнула то, что никак не глоталось. — Меня не он, а судьба обидела. Настоящий ведь ко мне не подойдет...

Но более настоящих Бася так и не встретила. Она знала потом разных удивительных людей, добрых, умных, но таких, что хотели бы полюбить то, что любишь ты и за это предлагали защиту — таких не было...

Скоро Толян совсем бросил учиться и ходил кругами вокруг вокзального ресторана. А Бася чувствовала себя виноватой. Если бы ее не выпороли тогда за ерунду, если бы она была человеком, не корчила из себя неизвестно что тогда у калитки, то он, может быть, не спился бы? Она без слез не могла вспоминать, какие у него были синие глаза, черные неровные ресницы, чуб полосатый и выгоревший. Как он ехал на уборочную — наверно, он хотел, чтобы она тоже поехала. Как выглядывал из кабины, смеялся... Смеяться он умел ослепительно.

A.C.

ЗЕРУСЛАВЬНОЕ

Река незаметно взялась водой и стала серая, как подтаявший сахар. Подруги каждый божий день ходили берегом смотреть, как река надувалась и молчала. За вокзалом толкались по путям вагоны, гукал паровоз и снова все затихало. Потом вдруг — «кра — а!» — трещало раскатисто, как будто пастух кнутом щелкнул. Значит, на речном льду пошла трещина и скоро обещались льдины. Однажды трещин стало много и началось...Льдины нехотя поползли мимо берега, глухо стучаясь друг об друга и задирая края. Одна большая льдина застряла недалеко от берега, уткнувшись носом в прибрежные кусты. Она потрескивала и сверкала в закатном стылом воздухе. Наступишь — качается. Бася поворошила ногою ледышки, пошел сладкий карамельный шорох.

— Смотри: перевернуть, так похоже на башню, — сказала она.

— А у меня тоже шпиль, не один, — отозвалась Ларка.

Им загорелось носить ледышки вверх, на пригорок, выкладывать крепостную стену и башни замка. И ледяной город засветился на берегу! Руки быстро заоченели, не согревали рукава и дыхание. Как вспыхивал этот город, как переливался жидким блеском! Привязать бы ленточку на шпиль, вот так, пусть развеивается. И смотреть бы, смотреть... Так думала Бася. А Ларке все было мало. Она уговаривала — достанем вон ту еще хорошенькую глыбку.

Вся протаяла насквозь, вся прозрачная, стрельчатая. Стали продвигаться по хряскому острову, а он закачался под ногами. Пока Бася тянулась, Ларка держала ее за пальто, потому что была похитрей, поосторожней. Но Басина нога вдруг провалилась глубоко и Ларка что есть силы дернула подругу. Та качнулась, упала, нога выскочила обратно, но... Без сапога.

— Давай хоть ползком...

— Давай, а то сорвемся за ним...

Они кое — как выбрались на бережок и посмотрели на эту мокрую разутую ногу. Бася застучала зубами. Ларке стало стыдно, что она затеяла такое — разулась, быстро стянула оба носка, подала.

— Дойдешь?

— Б — боюсь...

— Ну тогда к Лесницыным погреться?

— Д — давай...

Они боялись уже. Они забыли, что чуть не утонули, потому что думали сейчас, что скажут, как придут без сапога... А замки изо льда стояли нерушимо, прямо хоть забирай их в портфель. Поманила красота, наказала...

Дверь открыл какой — то младший Лесницын, а сколько их было всего, шестеро или семеро, никто не помнил. Феня средняя была.

— Феня! — Ларка всех помнила по имени. — Выручи нас. Мы вот воды начерпали, да сапог в реке утопили. Баська боится домой идти...

Феня Лесницына, худая, веселая девчонка с расплетенными до пояса косами, смешливо подняла плечики:

— Чем сапог — то виноват? — и полетела в холодную пристройку в халатике. Там стоял сундук величиной с дом, в котором Феня, порывшись, нашла сапоги.

— Вот такие сойдут? У нас столько сапогов, что мамка уж и не помнит, бери. Да вперед иди к печке, посушись.

Печка была для Баси — все равно что... бабушка родная. Прижалась к ней, глаза закрыла от счастья: «Ой, спасибо...»

Феня снова хмыкнула:

— Смешная — то... Сиди, печки не жалко.

А на кухне Лесницын отецпил с друзьями бутылку. Он разглядел возню у печки и расплылся:

— Штоль, директорова? Дать ей тогда сала.

Дали. Бася совсем потерялась от доброты, рот набила, сказать ничего не смогла. Сало твердое, вкусное с погребца, хлеб черный, с тмином.

— Спасибо, Фень, уже посохла. Где там Ларка?

— Опомнилась! Да она давно убежала. Пускай. Тебе куда еще надо? Сиди.

— Нет, мне еще в музыкальную...

— Сто — ой! — пристал к разговору Лесницын. — Ты на чем играешь?

— На пианино...

— Вот и отработай сало... Давай... Фенька, тащи мою рыкалку и положи набок.

Феня принесла вишневый аккордеон с нерусскими буквами на боку, положила на спину на табуретку и отец велел ей растягивать мехи.

— Пиликай, отработывай.

Бася не очень понимала, что значит отработать сало, но стала нажимать на боковую клавиатуру как на пианино и получилось тягуче: «Среди долины ровныя...» Дружки стали подтягивать и почти заглушили музыку. Басе стало смешно. Дружки захохотали тоже.

— Атаc! — и стукали руками об стол. — А это че тако хорошее?

— Это «Ригодон».

— Чего? Играй русское, балда.

Она попробовла грибоедовский вальс, но клавишей явно не хватало.

— Чего ж ты? — прикрикнул опять Лесницын.

— Нот не хватает...

— В башке у тя не хватает. Иди уж.

— Приходи! — Феня помахала с крылечка. Ветер обрывал на ней халатик ветхий как на мачехиной дочке, которую послали в лес...

И оставалось только забежать домой за черной на веревочках папкой с нотами. Ма тоже не заметила, что сапоги чужие. А вот как без них теперь бы?

Музыкальная была за два километра и идти все по обочине, и жидкой грязи свыше головы. А пропускать не разрешали, хоть дождь, хоть чего. Учителя без конца менялись, учили по — разному. Слепой баянист, учитель Ваньки Котова, очень строжил Басю. Он помнил все задания наизусть и слышал все ошибки:

— Нынче ты, дочка, гоняла гусей. Не учила ты, дочка , »Этюд» Черни.

Потом брал Басины ручки, ощупывал их и качал головой:

— Полторы октавы и то не возьмет. Не пианистка — слезы...

После него пришла пианистка настоящая. Это была Дина, у которой гулял муж. Видно, он не просто гулял по улице как все люди, потому что Дина часто плакала, уронив голову на руки. С уроков то и дело отпускала, приговаривая:

— Можете идти, все отменяется... Только этого и ждете...

Зато древняя старушка со вставной верхней челюстью взялась за Басю круто. Несмотря на то, что пальчики ее казались совсем крохотными, она брала полторы, чуть не две октавы, на уроках много показывала сама, волновалась и потрясала дохлыми кружевами, как революционерка. При сильном волнении розовая челюсть изо рта выскакивала и падала, подпрыгивая, на клавиатуру. Старушка цепко хватала ее такими же твердыми пальчиками, совала на место и тут же щелкала карандашиком по пальцам ученицы:

— О как играет, как играет... Моцарт в гробу переворачивается, Бетховен в гробу переворачивается...

После революционной старушки прислали молоденького Олеговича. Жить ему было негде, он спал прямо в музклассе, прямо на матрасе, который сворачивал при Басином приходе. Бася смотрела на него со страхом. Ей казалось — если бы ее заставили жить в музыкалке, она бы с ума сошла. Олегович слушал, молчал, не поправлял, а потом зеленая и бледная, рисовал в дневнике двойку величиной с кулак. Бася уже тогда поняла, что молодые учителя злее старых. Хорошо, что Олеговича быстро забрали в армию.

Когда учителя все кончились, уроки повел сам директор музыкалки Василий Саввич, бархатный, льстивый, с золотыми зубами. Он все ставил пластинку Робертино и лукаво улыбался Басе:

— Ну как, улетаешь? Ах, молчишь? Негодница.

А что отвечать? Бася любила не Робертино: итальянское, но не такое, а магомаевское. Что, если она девочка, так должна и любить мальчика? Глупости. Не времени Саввич

не терял даром и концертную программу стал учить прямо с начала года. Бася выучила ее насмерть — «Среди долины ровныя» Глинки и еще Моцарт, который продолжал преворачиваться в гробу. До! Ми, соль, си. До — ре — до!..

В последний год долго никого не присылали, Саввич тоскливо листал ноты, потом весело объявил, что придет новенькая пианистка, класс! И пошел дирижировать хором. Новенькая Нонночка появилась с морозами, после ноябрьской демонстрации. Она сидела в актовом зале, а не в музклассе — очень прямая, испуганная, в черном платье с голой спиной. Это было очень дико, так как в зале обычно не топили, только в музклассах, да и потом, когда все стали ходить в валенках и толстых свитерах, она всех пугала своим вырезом.

Нонночка обычно слушала Басю минут десять, изредка роняя:

— Бемоль, девочка... Фермата... Тоже бемоль, разве не чувствуешь?

Потом съеживалась и просила:

— Позволь, позволь мне... Я поставлю, сколько надо... Послушай...

И начинала играть чужую сумбурную музыку, не то, что Басе по программе, а вовсе незнакомое. Басю учили улавливать основную тему, побочную, но тут было трудно уловить тему, такой обвал, такие чистейшие хрустальные груды. Сложные аккорды на полторы октавы будто обсыпали Басю сухой снежно-льдыстой пылью, они вспыхивали искрами и гасли... Растерянная оглушенная Бася уходила домой, горя щеками, не записав задание. На следующий урок все опять повторялось.

Она начала на свой страх и риск разбирать «Сонатину» Чимарозы, красивое было начало. Но дальше первой части не осилила. Бася была честная и боялась, что будет на отчетном концерте, который придвигался все ближе... Она хотела сказать об этом Нонночке, но никак не удавалось. Перед музыкой Нонночки, перед ее грустью и красотой это было низко, позорно.

На этот раз все было как обычно. Бася передела сапоги на сандалии, еще раз по хозяйски оглядела Фенькин подарок — он был куда лучше ее старых сапог. Села перед пианино «Пенза» и приготовилась играть Чимарозу. При первых же аккордах дверь музкласса неуверенно открылась,

вошел высокий угрюмый человек. Он облокотился на перевернутые стулья в углу и сказал нараспев:

— Звезда полей во мгле заледенелой... Остановилась, смотрит в полынью...

— У меня урок, — напряженно отозвалась Нонна.

— А я подожду, послушаю ученицу. Как зовут ученицу?

Нонна панически посмотрела на Басю и Бася поняла — не знает.

— Бубенцова, — почему — то рассердилась Бася.

— Играй же, — тихо шептала Нонна.

И Бася бодро заиграла первую часть Чимарозы. Да, красивая была первая часть. Но кончилась слишком быстро. Надо было углубляться во вторую, как в темный лес...

— И ради этого ты здесь? — спросил высокий. — Филармония, училище — все неважно. А это важно?

Нонна не отвечала. Она сидела с опущенной головой и с ее щеки сползала слезинка. Бася возненавидела высокого.

— Это ничего не значит! — сказала она громко. — Мы с Нонной Мироновной прошли всю программу. Она столько играла мне...

Слезы у Нонны Мироновны сделали дорожки. Они дождем срывались с подбородка и падали туда, где был вырез. Она не умела оправдываться, потому что свалилась с луны. Она спотыкалась на ровном месте, ходила в капроне по морозу. У нее были блестящие черные бровки и крохотные темные усики...

— Так что же она тебе играла? — надоедал высокий.

— Такое... Очень хрустальное... Ну что ж, что я плохо играю. Есть музыка, которую не сыграешь. Я и не знала... Зато теперь знаю...

Бася искоса глянула на Нонну. Та улыбнулась ей сквозь слезы. Да, это был первый в жизни Баси учитель, который не учил. И первый праздник настоящего взрослого... Если бы не этот!.. Но «этот» не умолкал.

— ...Дело в том, что Нонна Мироновна любит Фредерика Шопена, любит сильнее: чем его жены и ученицы. Просто жаль, что она не полячка, не жила в то далекое время. Ведь тогда судьба Шопена сложилась бы иначе. Господь отпустил ему свех меры таланта, а вот счастья... С этим грустно. Он умел любить как никто в ответ. Но женщины опустошали и уходили. Могла ли музыка утешить его? Эти вальсы, прелюды, эти звуки, тающие быстрее льда... Нонна

Мироновна другая. Нонна Мироновна не хочет, чтобы все растаяло без следа. Она старательно плетет волшебные шопеновские нити, хочет, чтобы звучало вечно... А еще Нонна Мироновна очень похожа на Дельфину Потоцкую, это все говорят...

Нонна ничего не отвечала, потому что высокий человек хоть и говорил про нее, но как бы не для нее, а для Баси. И сама Нонна рассыпала ледышки – стекляшки для Баси, но Бася не могла больше терпеть. Она, сдерживая дыхание, поднялась и вышла из музкласса с перевернутыми стульями. Душа ее разрывалась. Она была одиноким, брошенным человеком и потому понимала и Фредерика, и Нонну, понимала и то, что сейчас от нее уходит что – то самое лучшее в ее жизни. Оно кончается, не успев начаться и приходится молча любить как никто в ответ. Ничего больше не остается! Она была в тумане и чуть не ушла в сандалиях в грязь, вернулась... В музклассе было тихо.

Ледяной город на берегу скоро растаял. Нонна не явилась на следующий урок, исчезла куда – то. А Басю снова записали к новому учителю музыки...

НО ВЕДЬ Я ЖЕ

АЖЕАЖЕ...

Бася, несмотря на юные годы, полюбила сразу двух взрослых мужчин. Но кого любить сильнее — она не могла выбрать. Мельников с его войной, седыми висками, с особым пониманием истории, покорила Басю сразу и навсегда. «Мам, дай водки», — негромко сказал за ужином он. Только тем и выдал горечь и одиночество. Никому не простила Бася «выпивание», а ему простила. От песни «В этой роще березовой...» у нее на глаза наплывали слезы. Она твердо верила, что Мельников честно воевал, но это было давно, а теперь он был просто учитель. Очки, указка — ну что тут героического?

Журналист Алябьев летал по заграницам, разговаривал с кинозвездами, не боялся никого. Он был красивый до сумасшествия, он влезал в окно к любимой, потому что ждать всю ночь до утра невозможно. Но какой же он герой? Просто озорник. Вообще Басю смущало то, что Мельников и Алябьев были в кино, а не в жизни. На русском дали тему сочинения — «Герой нашего времени». И писать можно было — Печорина, а можно было на свободную тему. На свободную тему, конечно, интерес — нее...

— Мам, у нас кто герой нашего времени? — спросила Бася у матери.

— Кто умирает, но не сдается, — ответила мать, выжимая в ванной халаты и полотенца.

— На войне, что ли?

— Не обязательно на войне...

— А на уборочной страде не умирают?

— У каждого в жизни своя страда, — пробормотала мать. — Я молодая бегала по полям, глубину вспашки доказывала. Простудила легкие, чуть на тот свет не ушла.

— Что вздыхаешь — то? Доказала?

— Пойди лучше посмотри, кто там пришел.

— Ура, это папа приехал! Из командировки! Чего привез?

— Да ничего особого. Вот апельсины. Антошке снасти для подводных затей. Рай, тут в мешке много мяса, буженина... Конфеты там в портфеле хорошие, из ми — нистерских буфетов. — Отец, кряхтя, выкладывал на кухне кульки.

— Степа, подожди с припасами. Ты чего это зеленый такой? Заболел, перенервничал? Сразу же видно.

— Да так, канудит чего — то. Ты завари мне травы, пройдет.

— Значит, была коллегия. — Мать посмотрела в окно, как будто на коллегия. И нахмурилась. — Чего сказали? Бася, брысь.

— Сказали, что если не возьмусь делать машину «Век — тру», то снимут с работы. И партбилет заставят положить, и все такое.

— А ты?

— А я сказал, что не возьмусь. — Отец разделся, умылся и упал в кресло.

— Господи. — Мать долго молчала. — Тоже мне герой нашелся. Чем уж она такая плохая?

— Да она не плохая, если на ней все импортное до последней гайки. А нам так не сделать. Да мы же считали все! Убыток прямой.

— Ну так что, они не понимают?

— Понимают. Ваньку крайнего ищут. Лицензию купи — пили, теперь куда ее.

— Ну, так ты не волнуйся, не сдавайся тогда. Я тебе чай с травой дам лечебный, отойдешь... — Мать убежала

Бася взяла апельсин и ушла к себе. У нее герой нашего времени нашелся. Поэтому она как примерная ученица села и настрочила сочинение про своего отца.

Про его тяжелое детство, про тюрьму, куда мальчонкой попал за собирание колосков, про то, как он мечтал стать танкистом, но учиться пришлось в сельхозинституте. Как

он мог стать ученым, но бросил город и уехал поднимать МТС, так назывались тракторные станции...

«Важней всего для него было слово «надо»: надо ехать жить в деревню, надо доставать запчасти, чтобы трактора не стояли. Во всех МТС «СТЗ — Нати» стояли, а у него нет. Надо выводить из прорыва завод, который много лет не выполняет план. Надо не спать, день и ночь мотаться, а потом приезжать домой больным и падать без сил.

Когда он стоит на трибуне, над ним в солнечном ветре бьются знамена, а на груди светлой точкой вспыхивает орден. И достался он не просто так. Да, война давно кончилась. Но герои бывают не только на войне. Есть герои каждого дня, и их победы никто не знает. Но сколько надо честности и мужества, чтобы победить...»

До победы с «Вектрой» отцу было далеко. Зато мужества понадобилось очень много, и не только ему одному. Вскоре после этого Басена прочитала другое «сочинение», пришедшее по почте в твердом конверте. Там, наоборот, выходило, что ее отец Бубенцов С.А. унес с завода много мебели и ковров, на складах посадил своих, «не своих» всех уволил, что он самодур и подлец. Бася долго вспоминала, когда они последний раз покупали мебель да ковры, но вспомнила только старые батареи, которые протекали и потолок в прихожей, под который подставляли тазик в снег и дождь. Она вспомнила задушенных во дворе щенков, которые так и не успели вырасти в собак. И еще как они с Антошей просили отвезти их на речку, и никто не вез, а потом отвез шофер, отцу было некогда. И еще самого отца, у которого после Москвы вечно болел живот и мама его отпаивала травой. Как самодур? Как подлец?

Согнувшись у себя в кровати, Бася долго стонала, пыталась плакать и не могла. Мать пришла с работы и обо всем догадалась.

— Я тебя понимаю, — сказала она. — Людская ненависть — страшная вещь. Ты сама видишь все наше «богатство ворованное». Ты видишь, я даже ремонт не могу сделать в этой хибаре. Анонимка пришла? Это хорошо. Видишь, печать обкома. Значит, кто-то нашелся добрый, отцу вернул, чтоб в курсе был. И фамилии не стоят, и так понятно, кто старался.

— А его выгонят за «Вектру»?

— Посмотрим. Он же начал другую машину делать, свою. Знаешь как назвал? «Пестра».

— Почему так смешно? Как корову.

— А потому что Пестиков главный конструктор и машина будет еду для песцов молотить... Это такая громадная мясорубка, вроде той, что мы пельмени делаем... ем...

— Мам, а давай отсюда уедем? К нам никто не ходит, все ненавидят. И все из — за завода этого.

— Кто умный, тот все понимает, а кто дурак — того не слушай...

— А если кто идейный, тот умный или дурак?

— Научили уже?.. — Мать поцеловала Басю. — Смотря какая идея.

Идея сделать машину для песцовых ферм Москве понравилась. И она стала торопить отца. Зимой он повез чертежи и их приняли на «ура». Мать долго говорила с ним по телефону и потом разошлась: сделала пирог из манки с вишнями, сварила крушон. Потом позвонила Пестиковым и они пришли отметить. Ну и пошло...

Стол отодвинули, танцы устроили. Пестиков громадина, в сером колючем свитере, он речи не говорил, он случаи смешные рассказывал, как они с отцом машину придумывали. Выходило, что они не мучились, не рвали зубами чертежи, а тыкались сдуру и наугад... А как легко он танцевал! Но Пестикова, географичка Басина! Она еще, оказывается, умела петь тонким голоском, закатывая глазки и подыгрывая себе на пианино. Мать летала бабочкой в бордовом платье с немецкой манишкой.

— Вы рождены не для этого, — говорил Пестиков жутким басом, — Вам ли, Раиса Климовна, сидеть в глуши? Маруся, вспомним «Скажите, девушки, подружке вашей», а? Давай... Да я никогда не поверю, что кроме Степан Алексеича не было вариантов. Вы там, наверное, весь институт с ума свели...

Антоша, пользуясь общим базаром, быстро доедал пирог, а Бася наострила уши.

— Не знаю, — смеялась мать, — я была девка суровая. Когда поступала, про меня шептали, что демобилизованная. Сидела на первом столе и первая отвечала. А у меня косы в руку толщиной вот досюда, да меня и в летное не взяли, потому что была в оккупации. Зря я волю закаляла,

на разряды сдавала... Зато ходила на экзамены — всегда первая и без шпаргалок.

— Не хитрите, Раиса Климовна, я о поклонниках...

— Да был, был у нее какой — то медик, — вмешалась Пестикова, листая Басины ноты. = скажи, Рая.

Но мать отмахнулась и Пестиковы запели «Скажите девушки» в два голоса... А мать им подтянула.

В эту ночь Бубенцовы оказались в беде. Разбудил их страшный звяк и грохот. В морозной ночи им били оконные стекла. Камень упал на Антошин стол и все оказалось залито чернилами. Другой достал чешскую вазу и она, гулко окнув, развалилась. Мать схватила телефон — трубка молчала.

— Врете, не возьмете... — Мать достала из шкафа сувенирный топор, тоже подарок чешской делегации, и велела детям лезть в гардероб. И встала, откинув голову, спиной к дверце... Несмотря на красоту и черные косы, она и правда была девка суровая.

— Что ж вы не празднуете? — донеслись с мороза пьяные голоса. — А то выйдите, не гнушайтесь.

— Неужели эти гады подсматривали, как мы за столом сидели? — яростно шептал Антоша. — Мам, да пусти же.

— Мам, — плакала Бася, — это, кажется, Фени Лес — ницыной отец...

— Молчи. Все они, с — сукины дети. На кого полезли, на беззащитных...

— Выйди, начальничек, выйди. Скажи, зачем нам жизнь поломал? А мы тебя сейчас, как щеночка того...

— Мам, — ломился из гардероба Тоша, — я мужчина. Уйди, у меня пугач есть.

— Я тебе дам пугач...

Но Антоша все равно вывернулся и побежал в при — хожую на четырех ногах. На кухне уже кто — то лез в окно, поэтому Антоша крикнул :»Ложись!» и пальнул. Потом прибежал Пестиков в пальто на голое тело, потом милиция приехала...

В общем, живы остались. Пока закрывали фанерой окна, пока записывали все, стало совсем светло. Отец узнал обо всем только после приезда.

На Новый год мать никуда в компанию идти не захотела. Она доказывала, что это опасно:

— С тобой же выпьют, на тебя же напишут. А пока празднуешь, и хату спалют.

— Да что ты, Рай, — горячился отец, — ведь все хорошо, машину запустили, кого надо посадили. Чего ты, ей — богу. Всю жизнь теперь сидеть, накрывшись одеялом?

А кто не сидел под одеялом, так это Бася. Она бродила по елкам, позабыв домашние трагедии. Ее на вечере пригласил сам Андрис Петронис, да еще в такой момент, когда у нее были локоны на пиво завиты, а светлое платье сверкающими бисеринками вышито. Андрис по — дошел к ней при всех и первый, так что весь танец они были одни посреди зала, никто еще не танцевал. Зосимова и Лары Дыхановой сестра шептались с Антошей. Андрис сказал, что в Семиречке он подрабатывал на почте и привык дружить через письма. Он напишет ей письмо. И не обманул.

Страшно ново и романтично получить письмо от человека, которого видишь каждый день! В письме он был совсем другой — не высокомерный умник, каким его считали все, а слабый, обидчивый мечтатель. Совсем как Бася.

— Теперь мне даже кажется, что он младше меня, — сказала Бася Ларке. — Только ты ничего Лильке не говори, не надо. А то они расстроятся зря — Лилька и Зосимова.

— Ты даешь, — Ларка подышала в варежку. — С чего это они расстроятся, ты же маленькая для них. Замерзла я порядком. Погреемся в библиотеке? За углом клуб, там мама моя сидит.

— Пошли.

Они подошли и ткнулись в запертую дверь. »Погрелись.« Заглянули в окно, забранное решеткой... Ахнули. Там прямо за окном начинался длинный яркий стол, весь в яблоках, колбасах и бутылках. Плавали руки с рюмками, отводили висящие нитки серебряного дождя.

— Все понятно, — сказала деловито Ларка, — отмечают они, не откроют. Я в таких случаях не пристаю. А ты? Там вон отец твой.

— Пусть сидит, — разрешила Бася. И они побрели по домам.

Мать дома разбирала холодец. Бася побаловалась сладкими косточками и потом, поддавшись какой-то

смутной жалости, сказала:

— Шла бы в компанию к папе, они там в библиотеке заседают. Отмечанье устроили.

Мать молча вынесла холодец на веранду, потом накинула пуховый платок и вышла.

— Мам, а платье с манишкой? Мам!

Но той уже не было. Бася, чуя недоброе, побежала следом. Так и есть... Силуэт матери мелькнул у библиотеки, потом она нагнулась и бросила что-то... Прямо в окно! И пошла прочь. Потом оказалось — крестовина была старая от елки. Окно вдребезги, свет погас, но решетка... Никого не убило, по счастью... »Как ей, так и она...» — подумала Бася, вспоминая жуткую ночь, битые стекла. И ошалевала страха, от непонятного, колющего восхищения.

Родители так никогда еще не ругались. Отец кричал, что не может на старости лет ходить, пристегнутый к юбке, а мать кричала, что он без юбки — ноль без палочки. Он — про то, что надо верить людям, а она — про то, что все гады и что она их видит заранее, как и его, лопуха.

— Знаю я твою бухгалтерию. Мягко стелет, твердо спать. Я — то видела, как она у Пестиковых взяла кой — кого за волосы и стакан ему в рот. Умеет!

— Да это был не я!

— А в следующий раз будешь ты. Олух царя небесного.

Отцовы подарки полетели в окно. Бася их подбирала и прятала, счищая варежкой снег. Как жалко было эти лаковые чудесные коробки. Кусочки невероятной, шикарной жизни. И все из — за Баси, дуры такой. Зачем болтанула про библиотеку? Ничего бы не было. Бася не могла среди ночи бежать к лучшей подруге Ларине, а Антоша смылся на каникулы в лыжный лагерь. Какое одиночество!

Новый год начался холодно, голодно, скучно. Мать собирала чемодан и велела готовиться к новой жизни, так как они поедут к бабушке. Отец молча топил сам плиту, варил на ней единственное варево, которое умел — это густой кулеш из картошки и пшена, заправленный мас — лом. Это он варил маленький, когда работал на поле. Мать уже несколько дней не ела, только плакала. Бася вообще не знала, что ей делать — есть или не есть. С кем она? За кого? Ларка принесла ей холодную котлету, потом при —

шлось тайком отрезать на веранде холодца. Кошмар ка — кой — то! А она еще со своим «героем нашего времени» раскукарекалась. Андрица вообще спрашивать про роди — телей нельзя. Он делает вид, что их нет.

— Мам, когда мы поедим? — спросила Бася еле слышно. Мать сидела возле открытого чемодана на полу и смотрела в окно.

— Да мам! Ты чего не собираешься — то?

— Ты помнишь Пестикова Маша говорила про медика?

— А то нет. У вас была любовь?

— У нас было подано заявление в ЗАГС. Приехала твоя бабушка с ним познакомиться. Обняла, поцеловала: »гар — ный хлопчик». Он был правда такой хорошенький, ласковый, на артиста Гусева похож... Фотографии не сохранила, все порвала. Так вот, подали заявление. Он на практику укатил. Оттуда знакомая девчонка пришла в общежитие и сказала, что он там в деревне на сенокосе со всеми в стогу лежал, и с ней лично тоже. Мол, повезло тебе, Рая, с Антоном, все его любят, а он тебя одну. Приехал — я его погнала. Говорю, суровая была. Он и так и сяк — бесполезно все. Я заявление забрала, порвала. Друг его каждый день ходил, говорил, что девчонка из мести его оговорила, что с ней встречаться на стал, но я не верила. Я отвечала: »Про меня никто сказать не может, что я в стогу лежала». Было пить начал. Ко мне с его группы народ приходил — убеждали, чтоб простила, что жизнь человеку ломаю. Но я еще хуже заводилась, потому что пьяных ненавижу... На вечерах парни ко мне опасались подходить. То ли Антошу жалели, то ли на меня сердились. А у меня гонору было! Косы в руку толщиной, вот досюда, глаза горят, дверью хлопну — и пошла.

А тут как — то пришла на танцы. Глянула — идет ко мне сумасшедший, да белобрысый, да сам покраснел, как рак. Слышно было, что приятель одергивал его:

«Не ходи!» А он пошел! Молодежь дорожку от него ко мне сделала, как от космонавта. Комедия... Подошел при — глащать, а сам и танцевать не умеет, все ноги мне отдавил. Но я потом научила его танцевать, мы были лучшей парой института.

Нам дали приз — ложку серебрянную. Ты маленькая ее потом в пол бросила в щелку.

— Как? Ты и этот белобрысый?

afun

A.C. 11

— Это ведь и был Степа Бубенцов. Он в практику по тридцать километров отмахивал, чтобы мне букет принести. Подойдет к калитке, отдаст, поцелует неловко, потопчется и назад уйдет. Мы уже были женаты, мне стало пора в роддом ехать, а он так и не мог сказать, что любит — то. Узел с собой взяла, в спину бьет, а он только :»Ох, Рая...»

В роддоме лежу, кричу, приходит врач, да и говорит :»Не кричите, Раечка, вам еще не скоро». Я глянула, а этот врач и есть мой медик. То есть Антон. Видеть его не захотела, а тут рожать при нем...

— Ой, ну я бы ни за что на свете! Ну, это вообще!

— Ой, ну ничего бы ты не сделала. Конечно, он мог бы подмениться и уйти, раз такая история. Но он не ушел, а мне тем более деваться некуда... Родился мальчик, и мне показали его. »Назовите Антоном, Рая». Я и назвала.

— А папе ты рассказывала?

— Сто раз...

— Так ты будешь складываться или нет?

— А тебе что? Уехать не терпится?

— А то нет. Сиди себе у бабушки, разлупай абрикосы.

— Интересно. Значит мы с тобой уедем, а он тут торчи один, так, что ли? Да ты хоть понимаешь, что он сразу пропадет? За ним глаз да глаз нужен...

— Ну вот, простила!

— А ты?

— А я за тебя!

— Ну тебе — то он ничего не сделал, Бася !

— При чем тут я? Про тебя речь.

— Но я же.. — чужим голосом, — люблю этого человека.

Понимаешь?

Бася выскочила из спальни как ошпаренная. За дверью почему — то стоял отец с тарелкой своего кулеша.

— Ох, Рая...

«Тыща лет как договорились! Только мне не знали, как сказать!» Так вот загадка и разгадка тайн. Вот она, взрослая правда, простота и жуть одновременно!

Бася бежала, сама не зная куда, в расстегнутом пальто, плакала... От этого никуда не уехать. Мать всегда будет терпеть это захолустье, этот завод, этих людей...

И в новой жизни ей не надо, и абрикосов. Лишь только шевельнет губами — »люблю» — и спадет любое заклятие.

ЖУЖУЖА-

ЖУЖУЖА

Частенько Бася бывала вредная, ох, частенько. Но в тот день нет. В тот день она была смиренная как никогда. Она знала, ради чего судьбу замалывать: Роберт, сын капитана Гранта по телевизору будет. Весь день она терпела мелкие подначки и испытания, а программу в конце концов изменили. Вместо парусников и путешествий — долго — предолго дед с медалями шепелявил.

Бася замаячила у телевизора, защелкала переключая — телем.

— Не стеклянная, доча! — гаркнул отец. — Давай дуй к себе, кончились твои жданки.

— Подумаешь, все равно ерунда. Партия сплошная.

— Что ты понимаешь! Рая! Полюбуйся, у нее нет ничего святого. Вот так воспитание.

— А ты займись, займись! — разозлилась мать. — Давно пора.

Досталось всем понемножку! Даже брату Антону, ко — торый по обыкновению спал и ничего не слышал.

— Байбак! — гремел отец. — Что ты полезного сделал за день, чтоб столько дрыхнуть?

Антоша ничего не ответил, забрал из буфета халву и сбежал на улицу. А Бася уселась в своей комнате, настраиваясь на долгие слезы. Раньше, бывало, поплачет и все проходит. А тут не проходит. И глаза сухие, и дышать невозможно.

Долго маялась Бася, не зная, что с собой сделать, как себе помочь. Отыскала брошенную тетрадь по физике и

написала с обратного конца «Дневник плохого настроения».

«...Почему у меня опять плохое настроение? Неужели я сама по себе такая ужасная? Говорят, что я ничтожество. Ничтожество — это ничто. А я все — таки живу, разговариваю, даже пятерки получаю. Но им все равно за меня стыдно...

Я понимаю, мои родители прожили такую жизнь, что надо брать пример. Но если я не могу? Не хочу? Тогда молчи? Ясно одно. Мне почему — то нельзя жить просто так, как всем. Например, Алка Пестикова недавно отрезала челку — и ей ничего не было. Мать даже на бигуди ей челку завила. А я отрезала — мне было: »Сегодня челку отрежешь, завтра в подоле принесешь». Я разревелась, пообещала никогда — преникогда больше челку не отрезать...

Сегодня пришло письмо от Андриса. Мама увидела, сказала «ну — ну». Раньше она эту затею с перепиской очень одобряла, потому что начал ее Андрис, а он умница и так далее. А теперь не одобряет. Потому что письма мне приходят на почту «до востребования», а в школе он никогда не подходит. Понимаю, ему позорно. Ведь я не такая красотка, как Зосимова, вдобавок очкарик.

Но... Как же тогда ко мне подошел Михеев? Значит ему не было позорно?

Только вот я струсила! Теперь какво смотреть на него, когда он идет по парку в обнимку с сушенскими девчонками? Какой же он красивый все — таки...

Я шла с почты с конвертом в руке и увидела его в магазине. Покупал вино!

Он шутя выхватил конверт, а я закричала «дурак!» Он конверт отдал, но как посмотрел! Так ужасно, подло ухмыляясь. Пьяный, наверное. И мне показалось, что он даже презирает меня, директорская дочка для него не человек».

Незаметно Бася начала записывать в тетрадь по физике все свои горести. И чем больше она писала, тем легче ей становилось. Посидит, поперебирает, поплачет. И глядишь — никого ей не надо, ни подружек, ни Антоши. И стыдиться ни к чему, и быть хуже всех необязательно.

Какая есть, такая есть. Никто не видит.

И с кем бы еще было погрустить, порадоваться! Так свободно и просторно — ни с кем! Бася слишком часто пасовала перед другими, она вечно смущалась строгой матери — училки, Антоши, Андриса, подруги Лары... Но в тетрадке она не смущалась вовсе. И от этого была новой сама себе, ей становилось так легко в ее невидимых владениях.

«Ларина рассказала, как ее Лилька ходила с Андрисом в кино. Лилька считает, что Андрис много о себе понимает. Ему, видите ли, »Королева Шантеклэра» не понравилась, хотя в зале все рыдали. Он мечтал посмотреть какого — то «Живого трупа», только его в тот день не привезли.

Зато после кино до ночи гуляли и якобы Андрис ее поцеловал. И теперь все об этом знают! Зосимова тоже хвастала этим целованием, о котором все знают. А о том, какие мне Андрис письма пишет, не знает никто...

«Живого трупа» привезли в клуб только через неделю и я еле отпросилась у мамы. Она сказала, что у меня еще нос не дорос, но деньги дала. А киномеханик сказал, что если меньше десяти зрителей придет — он крутить ленту не будет. На улице было холодно, народу никого, но я поймала двух бабок. И в кассе соврала, что еще два билета возьму на подружек. Все равно десять не получалось! Я совсем расписывалась, но тут забрела в клуб пьяная компания и все уладилось.

И пускай они там на заднем ряду тошнили и бутылки перекачивали. Все равно я посмотрела ЭТО кино!

Федя Протасов! И вовсе это не он живой труп, а те, кто заставил взять пистолет — жирный Виктор и чистенькая Лиза. Вместе с цыганкой Машей я плакала над ним неприканным. Сердце мое разрывалось. И я всегда буду вспоминать о нем, как только услышу цыганские песни!

Так вот что любит Андрис...»

«Андрис написал мне страшное. Оказывается, он ездил в Саранск, на свидание к брату, который сидит в тюрьме. Они не спали всю ночь, разговаривали. Страшна не просто тюрьма, где сидят т а к и е люди, а сама мысль, что можно рядом сидеть и не докричаться. Он не слышит! А еще брат! Старший! Он толкал младшего пить, курить, спать с женщиной, воровать, уворачиваться от ножа. А на

уговоры младшего жить по — человечески только усмеха — ется. Для Андриса брат не преступник, а тот же самый, по — прежнему родной человек. Но любить такого?

Спокойно. Если бы Антошу посадили в тюрьму, как бы я тогда — поехала? Или бы отвернулась? «

«К папе приезжал директор Камчатского зверосов — хоза и выпросил одну машину сверх плана. Папа сказал , что ему не дают лишний металл на такое — »хоть из чего делай». Камчатский директор оставил кое — что в каби — нете, побоялся в руки отдать. И ушел. А в конце дня нашла секретарша. Мама стала кричать, что это взятка, а папа сказал, что нет, ведь он не согласился, да и не видел никакой банки. Но не выбрасывать же. Мама сказала, что не дотронется, папа вздохнул и тоже не стал, а мы с Антошей ели. Я сначала подумала, что это соленые ягоды, но это была красная кетовая икра, ее едят с хлебом, с маслом, это бесподобно. Никогда не видела. Не то что селедка из бочки, которую в ларьке продают на базаре.

Потом Антошка читал, а я делала уроки. Я анатомию боюсь больше алгебры, боюсь, когда мать спрашивает. И чтобы ее не позорить, жутко зубрю наизусть.»

«Все каникулы пролежала в больнице, и сейчас все уже учатся, а я дома сижу после аппендицита. Но я уже выходила на улицу два раза, там такая весна идет сильная...

Покупала маме подарок — два грибка из белого све — тящегося камня, это как бы Антоша и я. Наткнулась на новую книжку... Это настоящий взрыв радости и красоты. Я думала, что я урод, лишний человек на земле . Вся моя жизнь какое — то мучение, и от меня сплошные мучения людям. Но вот герои «Соды — Солнце» ДЕЛАЮТ ТО , ЧТО ЛЮБЯТ. И самим легко и белому свету полезно...

Не может быть, чтобы так просто было. Свобода придумывать и сочинять? Разве это возможно? Мне снилось, что я знаю их сто лет. Я была с ними там, на даче Довженко. Ласково и тепло. Это мои люди, мои... Андрис написал, что ничего нового у Анчарова нет, это тот же Грин, только в советское время...

Он ничего не понимает! Умник. Это совсем другое. Грин все выдумывал, все, а Анчаров как думает, так и живет, и живет сейчас, сегодня, и не в Зурбагане, а в Москве... И в спектакле анчаровском тоже обычная

московская коммуналка... Вот тебе и романтик.

Но я не могу обижаться на Андриса за непонимание. У него есть своя жизнь. Он в этом году заканчивает десятый и уезжает. Тогда у меня останется один дневник.»

...Вместо труда, по которому у всех стояли зачеты, должна была прийти на лекцию врача из поликлиники. Но она не пришла. Кое – кто решил удрать, но там еще два урока оставалось. Верка Михеева стала закручивать на бумажки челку и пейсы, пацаны достали свои провода и батарейки, а Бася достала дневник. Это был ее домик, в котором можно было спрятаться от тоски и скуки.

После пустого урока все побежали на физкультуру, а освобожденная Бася просто явилась на переключку. Потом литература. Литераторша написала темы сочинений на доске. Те, кто заканчивал раньше, уходили с портфелями. Так ушла и Бася. Дома она стала шарить в портфеле и поняла, что дневника нет. Руки ее сразу замерзли, голове стало жарко. Темнее тучи Бася побрела к Ларке.

– Лара, не могу. Конец пришел.

– Что, опять родители? – испугалась Ларка.

– Не то. – Бася замолчала. – Дневник пропал.

– Да подумаешь! С оценками?

– Не то. Оценки ерунда. Помнишь, мы читали «Записки школьницы»?

– Ну.

– Вот такой дневник.

– Такой? Ну ты даешь. И что там?

– Все.

– Дело дрянь. Прокурорша знает?

– Пока нет. Но мне все равно уезжать придется.

– Сразу уезжать, умирать... Как ты любишь паниковать.

– Все же узнают то, что нельзя. Что у Андриса брат в тюрьме.

– Что – о? Где – е?

– Вот видишь. Он скрывал, доверил мне тайну, а я...

– Тебе? Но ты не специально!

– Все равно подло.

Насмешница Ларка обняла Басю. Она стойкая была. И велела Басе сидеть, не рыпаться, а она сбегает, предупредит, чтоб искали.

На другой день Бася ждала кошмара, но все было как обычно. Только Алка Пестикова была красная, надутая.

— Алка, кто тебя?

— Не твое дело.

На уроке Алка не ответила географичке, то есть матери своей, районы торфоразработок и ей поставили «точку». То есть фактически два. Алка заревела, ушла домой. Опять никому ни слова. На нее это было непохоже.

Бася осталась дежурить и уже принесла ведро, тряп — ку, веник, как в дверь заглянула запыхавшаяся Ларка.

— Уф, я уже... Домой к тебе слетала... А ты вот где.

— Да сядь ты, Лар. Чего узнала?

— Ничего не сяду. Давай веник, буду мести, а ты мой.

Быстрее будет.

— Да говори лучше быстрее! Ну?

— Так боже мой! Тебе Алка ничего не сказала?

— Нет, конечно. А что?

— А то. Дежурил вчера кто?

— Алка. Да — да. И?..

— И она отодвинула парту и в луже лежал...

— Мама.

— Да. Мокрый уже. И Алка сразу поняла, что тетрадь непростая и понесла домой сушить. Дома мать — сама знаешь кто...

— Ну!

— Отобрала, конечно. Наверняка матери твоей отдаст.

— Ой, мама...

— Замамала! Радуйся, что не весь класс прочитал.

— Да ну.

— И что не вся школа!

— Ну ты брось.

— И не брошу. Если уж не хотела, чтоб читали, к чему и писать.

Бася так и села с тряпкой в руке.

— Значит, если б не Алка — ворона, то тетрадь могла бы быть у меня?

Бася заплакала.

— Баська, ну во — первых, ты сама ворона. А во — вторых, что ты хотела бы? Чтоб весь класс прочитал? Вся школа?

— Ты с ума сошла...

— Вот — вот. А если не хочешь, на кой и писать тогда? Не

пиши.

— Я не могу, это утешение...

— Ну не реви. Сиди, я пол домою. Потом за хлебом сходим. Развеемся.

На улице было очень студено, но это искупалось свежей листвой и сладким талым воздухом. Сиреневые кусты и липовые посадки звонко шелестели и щелкали.

Вот бы уехать...

Бася не замечала красоты. Молчала.

— Бась, ты помнишь, как мы зимой бабу снежную лепили? Толстую, шикарную — возле нашего подвала?

— Помню, — прошептала Бася.

— Мы потом ей шаль старую с кистями одели, шапку материну старую, помнишь? — отвлекала Ларка.

— Да уж, Ларка, это благодаря тебе. Если бы ты не придумала, чтобы внутрь багету старую влепить, она бы так прочно не стояла. А что, не попало тебе за шаль — то?

— Да ну! Рвань такая. Мы с тобой слепили днем, а к ночи папка приходит распянющий: «Почему подвал не запираете? Там какая-то баба ходит. Что за баба?» — «Снежная,» — говорю. — «Я те дам снежная!» И за ремень. Я спряталась, а тут Лилька со свиданки приходит и давай про бабу в шали шутить... Папка снова разорался, так что нам не до смеху...

Ой, Ларка все пыталась Басю разговорить. Потому что чувствовала, как Басе постыло домой идти. Но идти — то надо.

Дома, в Басиной комнате, лежал на столе Басин дневник. Он был растрепан, покороблен, весь в грязи. Бывший домик и утешение. Она забыла запереть дверь и вот в домик пришли чужие. Бася стояла, смотрела, боясь притронуться.

А из двери на нее смотрела красивая женщина. Училка по кличке Прокурорша. Ее родная мать.

— Что же ты не смотришь, все ли цело? Рук марать не хочешь? Я взяла поневоле, но похоже, замаралась. Ты не только себя — ты всех нас в грязи вываляла.

И папу, героя нашего времени. И этого мальчика, который не чета тебе. Он у всех на виду и для всех тайна. А ты... Сколько же в тебе глупости и гадости. Разве такой должна быть НАША дочь! Разве этого мы заслужили? Эх, ты...

И она вышла. Бася надолго замерла, глядя остекле — нелыми глазами в никуда.

Да, она ждала наказания. Порки не избежать, вздутой спины тоже. Но навсегда остаться виноватой? Плача, она взяла два коробка спичек и свою тетрадь — двумя пальцами за крыло, как убитую птицу.

В курином дворе, равнодушная к ночным страхам и теням, она решительно разорвала ее на части и сожгла.

» Так не доставайся ж ты никому? И нет позора. И больше никогда не будет. Никогда — преникогда... Теперь бы тихо исчезнуть, как Федя Протасов. Но чем убить себя?

Да не выйдет. Для них это будет очередной позор. Как они посмотрят в глаза людям? Придется так и жить, наклонив голову... Давай, домик, гори...

Пришел конец учебному году. Бася отрабатывала практику, помогая записывать фамилии и дни. Обходя участок, она еще раз сосчитала, сколько всего человек, раскрыла блокнот, присела на лавочку. Бок все еще болел после операции, особенно в плохую погоду. Но сегодня ведь ясное небошко...

Родители готовили зал к выпускному. Вымыли пол и окна, начали расставлять привезенные из заводской столовки голубые столики. Потом ведра с цветами. Бася смотрела туда, не отрываясь.

Она еле взяла себя в руки, поднялась и пошла домой Чудная такая девочка, черная, как галчонок, худая, в перешитом материнном платье, в смелом декольте вокруг наивной шейки. Она заставила себя сходить в магазин за сметаной, на пекарню за квасом, сделать окрошку.

Налила и себе тарелку. Но тут же забыла об этом! Откуда — то издали просачивалась музыка. «Утомленное солнце нежно с морем прощалось, в этот час ты призналась...» Все щемило у Баси внутри, так как десятые, наверно, уже собрались в школьном дворе. Будет много народу, пригласят музыкантов. Директор скажет речь, папа скажет речь, ведь он шеф от завода. Мама с Антошей тоже там, потому что Антоша выпускник.

А теперь они, наверно, пошли фотографироваться. Лильке Дыхановой, говорят, сшили белое платье из гюпюра на чехле. Зосимовой достали розовое джерси с люрексом. Сушенские ездили в Москву за болгарским

жатым шелком, и сшили все по — разному. Бася много раз видела выпускной, она знала, что там по порядку...

Тем временем на улице стихло и смерклось. Неужели дождь посмеет испортить людям выпускной? У Антоши великолепный васильковый костюм, он, конечно, самый — красивый.

Впрочем, для танцев есть зал!

Но он все же пошпарил, он захохотал, не стесняясь, гулкий летний дождище.

А Бася схватила прозрачную пленочную скатерть с цветочками, впрыгнула на ходу в сапоги и побежала. Скорей, скорей, хоть в окно успеть посмотреть!

Ноги по воде и глине разъезжались. Надо же, одно окно задвинули шкафом. Додумались! Второе закрыто спинами родителей. Надо с другой стороны. А тут и шторы не задвинуты! Бася подарапалась и приоткрыла ставни. У микрофона стоял Андрис Петронис.

— Да, мы стали другими за это время. Раиса Климовна старалась не просто вбивать в нас знания, а думать, защищать свои взгляды... Наверно, не всегда это получа — лось, но позже мы еще вспомним ее уроки...

Он поклонился и ушел в сторону. Как, уже все? «Не уходи!» — мысленно закричала Бася. И он замедлил шаги, встал недалеко от окна. В нагрудном кармане его пиджака Бася заметила ландыши. Ах, конечно. Стоило искать их подня, чтобы подарить Зосимовой! А вот Басе никто никогда цветы не дарил...

В зале было жарко, и Андрис протиснулся к ветерку, летевшему из окна. Его белые волосы шевелились рядом!

— Это ты? — спросил он, не удивившись.

— Нет, не я, — шепнула Бася.

— Почему?

— Потому что я вообще... Не должна тут стоять.

— Чудачка, ты же промокнешь.

— А... Почему у тебя глаза такие? Яркие...

— Потому, что я пил шампанское.

— Ты уедешь?

— Да.

Он достал из кармана ландыши и отдал ей. И она пошла домой, застревая в сапогах. Вот и все. Он был рядом, в десяти сантиметрах. Не простились, не притронулись.

...Спотыкаясь от невольных слез, Бася побродила по

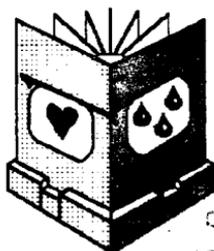
комнате, отыскала блокнот по практике и написала с обратной стороны: «Пишу после **длинного перерыва**. Столько было потрясений! Если **открыть окно**, то можно услышать «Облади – облада» и «Толстый Карлсон». Сегодня выпускной у **десятых** и для них играют **заводские эстрадники**! Там море музыки и цветов. Там я **видела Андриса**, который говорил со мной и подарил **ландыши**. А больше я его не увижу никогда – **преникогда**».

СОСЕРИАЛЫ

НАСЛАДИЛИСЬ.....	4
КОРОЛЬ.....	10
МОЛОКО С ДАЛЕКОЙ УЛИЦЫ.....	21
ИЗ ШКУРЫ МОЛОДОГО ТЕЛЕНКА.....	28
«ДАВАЙ, ГОРИ».....	36
ЧЕЙ КЛАД?.....	43
ОТЛИЧНИЦА И ДВОЕЧНИК.....	51
ХРУСТАЛЬНОЕ.....	61
НО ВЕДЬ Я ЖЕ ЛЮБЛЮ.....	71
НИКОГДА – ПРЕНИКОГДА.....	81

«The Zvezda» was
 first published in
 1988

© Галка Щекина

Фото: Васька Шаманин

Художник Ленька Стариков(младший)

Оригинал – макет и компьютерная верстка – «Свечка»